

cognitive science of language, inference, and consciousness. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

- Holyoak K.J., Nisbett R.E.* Induction // R.J. Sternberg, E.E. Smith (ed.) The psychology of human thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 50—91.
- Hunt E.B.* Mechanics of verbal ability // Psychological Review. 1978. Vol. 85. P. 109—130.
- Lincer J., Rim Y.* Intelligence, family size and sibling age spacing // Personality and Individual Differences. 1984. Vol. 5. P. 151—157.
- Lewis M., Kreitzberg V.S.* Effect of birth order and spacing on mother-infant interaction // Merrill-Palmer Quarterly. 1979. Vol. 15. P. 81—100.
- McCarthy D.* McCarthy Scales of Children Abilities. San Antonio, Tex.: Psychological Corporation, 1972.
- Mednick S.A.* The associative basis of the creative process. // Psychological Review. 1969. № 2. P. 220—232.
- Neisser U.* Memory observed. NY: Freeman, 1982.
- Page E.B., Grandon J.M.* Family configuration and mental ability: two theories contrasted with U.S. data // Amer. Educational Res. Journ. 1979. Vol. 16. P. 257—272.
- Posner M.I., Mitchell R.F.* Chronometric analyses of classification // Psychological Review. 1967. Vol. 74. P. 392—409. *Rips L.* Deduction. // R.J. Sternberg, E.E. Smith (ed.) The psychology of human thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 116—153.
- Record R.G., McKeown T., Edwards J.H.* The relation of measured intelligence to birth order and maternal age // Ann. of Human Genetics. 1969. Vol. 33. P. 61—69.
- Retherford R.D., Sewell W.H.* Birth order and intelligence: Further tests of the confluence model // Amer. Sociol. Rev. 1991. Vol. 56. P. 141—158.
- Rips L., Deduction // Sternberg R.J., Smith E.E.* (Eds.). The psychology of human thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Roe A.* A psychological study of eminent psychologists and anthropologists, and a comparison with biological and physical scientists // Psychol. Monographs: General and Applied. 1953. Vol. 67.
- Schacter S.* Birth order, eminence and higher education // Amer. Sociol. Rev. 1963. Vol. 28. P. 757—768.
- Simon H.A., Gilmartin K.* A simulation of memory for chess positions // Cognitive psychology. 1973. №5. P. 29—46.
- Simonton D.K.* Creative expertise: a life-span developmental perspective // K.A. Ericsson (ed.). The road to excellence. N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1996. P. 227—254.
- Storfer M.D.* Intelligence and giftedness: the contribution of heredity and early environment. San Francisco, Oxford: Jossey-Bass Publishers, 1990..
- Trabasso T.* The role of memory as a system in making inferences // R.W. Karl, J.W. Hagen (Eds.). perspectives on the development of memory and cognition. Hillsday, N.J.: Erlbaum, 1977.
- Visher S.S.* Environmental background of leading American scientists // Amer. Sociol. Rev. 1948. Vol. 13. P. 65—72.
- Zajonc R.B.* Family configuration and intelligence // Science. 1976. Vol. 192. P. 227—236.

3.8. Психология речи и языка. Психоллингвистика

3.8.1. Предметная область

В заголовке данного раздела объединены разные термины — *психология речи и языка, психоллингвистика*, — и это вызывает вопросы: идентичны ли они, различны ли или, возможно, имеют частичное сходство? Попробуем разобраться в этом.

Психология речи — область психологического знания, возникшая в конце XIX века вместе со становлением психологии как самостоятельной науки. Ее предмет составляет одна из важнейших сторон психики человека — способность владения словом, языком, речью. С момента возникновения данной области и до настоящего времени вопрос о ее предмете переживал довольно драматичную историю, главным действующим лицом которой, кроме психологии, была лингвистика. Конкретным проявлением этой драмы был вопрос о том, являются ли предметом психологии речь и язык или только речь. При целостном рассмотрении речевой способности человека, которое в той или иной мере сохранялось вплоть до XX века, ученые тесно связывали речь и язык, и тогда мы находим употребление понятий *психология речи* и *психология языка* как синонимичные, что выражено в сочинениях старых авторов — В. Гумбольдта, В. Вундта и др.

Однако в начале XX столетия авторитетный лингвист Ф. де Соссюр противопоставил понятия *речь* и *язык*. Он считал, что речь порождается текущими, преходящими состояниями психики, она — объект психологии; в языке же подчеркивал его устойчивую системную организацию и квалифицировал его как явление социальное, формируемое социумом и подлежащее изучению со стороны лингвистики. Эта точка зрения оказала сильное влияние на позиции многих профессиональных психологов, так же как и на характер самих проводимых исследований. Соответственно интересующая нас

область стала строго называться психологией речи. Феномен языка был передан в ведение лингвистики.

При этом лингвистика отгораживалась от психологических подходов. Последние воспринимались как чуждые ей и недостаточно объективные. Вопреки этой общей позиции в истории лингвистики не раз возникали психологически ориентированные направления, а отдельные весьма авторитетные авторы высказывали ценные суждения о природе и сущности речезыковой способности, о чем мы будем подробнее говорить ниже.

В области психологии речи размежевание с лингвистикой, отказ от языка как объекта психологического изучения прдержались недолго. Установленные рамки оказались, безусловно, тесными для сколько-нибудь полного и непредвзятого психологического исследования вербальной способности человека. Дело в том, что речь и язык теснейшим образом связаны в своем функционировании — человек говорит только на основе языка. При справедливости тезиса, что язык усваивается от окружающих говорящих людей, т.е. как бы социальным путем, после усвоения он принадлежит каждому говорящему субъекту и тем самым становится частью его функционирующей психики. Исследования речи в искусственном отделении от языка становятся очевидно неоправданным.

Обратимся теперь к психолингвистике. Это — молодая область знания. Она возникла в 1953 году, когда группа авторитетных психологов, лингвистов и других специалистов в результате двухмесячной совместной работы на берегу океана в Америке очертила круг проблем и теоретических оснований, которым было дано имя *психолингвистика*. По результатам этой работы была выпущена в свет книга *Psycholinguistics: A survey of theory and research problems* под редакцией двух авторов: Ch. Osgood и T. Sebeok (Baltimore, 1954). С тех пор прошло полвека увлечений и разочарований этой наукой, которая, несомненно, оказала сильнейшее влияние на круг исследований языка и

речи. В чем же ее предмет и насколько он отличен от психологии речи? Сам термин *психолингвистика* составлен из двух частей, одна из которых адресует к психологии, другая — к лингвистике. Тем самым идея связи речи и языка, оказавшаяся столь трудной и для психологии, и для лингвистики, совершенно ясно постулируется в самом термине и, более того, по сути объявляется объединение указанных областей знания: психолингвистика изучает природу и функционирование языка и речи, используя и соединяя данные и подходы психологии и лингвистики.

Так какими же на сегодняшний день представляются взаимоотношения психологии и лингвистики в исследовании речи и языка? Происходит ли взаимная польза от встречи обеих наук, их взаимная дополнительность? Представляется несомненным положительный ответ на этот вопрос. Заинтересованность психологии в том, что занимаясь сущностью и природой вербальной способности, она нуждается в систематическом и квалифицированном описании языковых фактов, которые находятся в руках лингвиста. Например, психолог, изучающий ход формирования звуковой стороны языка маленького ребенка, должен опираться, хотя бы в минимальной степени, на данные фонологии (раздела лингвистики), где он найдет ответ на то, как выявляются минимальные звуковые единицы, как они описываются в их отношении к месту их образования в артикуляторной системе ребенка, как фиксируются противопоставления фонем, каковы фонологические различия разных языков и др. Аналогичным образом, если психолог занимается исследованием становления грамматики в детском языке, то ему необходимы лингвистические данные о структуре предложения, морфологическом строении слова (причем желательно в разных языках), о выделенных лингвистами классах слов, грамматических категориях. Обнаруживается, что лингвистика дает психолингвистическим исследованиям кругозор, предоставляет факты описания языковых и речевых феноме-

нов, используя материал различных национальных языков.

Психологические данные со своей стороны оказываются полезными лингвистической теории в плане придания ей естественнонаучной и социальной ориентированности. Явления языка и речи рассматриваются в психологии в контексте природных и социальных закономерностей жизни человека, учитываются мозговые механизмы речезыковых проявлений. Тем самым результаты, которые получит в своем исследовании психолог, могут существенно расширить кругозор лингвистически ориентированного ученого, в чьи интересы входит познание сущности вербальной способности.

В целом соединение, взаимодополнение психологических и лингвистических данных можно рассматривать как форму системного подхода к исследованию речи и языка. В нем реализуется преодоление ограничительных рамок и ведомственных преград, что делает знание об объекте более разносторонним и глубоким, более адекватным действительности. Значимость такого рода подхода для психологической науки неоднократно подчеркивал Б.Ф. Ломов (Ломов, 1999).

Продуктивность объединения психологических и лингвистических данных в исследовании вербальной способности человека явилась, на наш взгляд, глубинным основанием появления психоллингвистики. Анализ современных исследований, проходящих под именем психоллингвистики, позволяет обозначить *общий принцип*, отличающий исследования психоллингвистической ориентации: это *использование в исследовании (явное или неявное) данных, позиций, подходов и психологии, и лингвистики с целью развития знаний в области природы речи и языка*. Если мы будем иметь в виду данный принцип, то сможем легче разобраться в том, когда началась психоллингвистика, каковы особенности разных периодов ее существования, какие исследования следует квалифицировать как психоллингвистические.

Мы увидим тогда, что фактически психоллингвистические по своему харак-

теру исследования велись гораздо раньше XX века, и они связаны со многими блестящими именами и идеями, оставившими не теряющий ценности след в познании удивительной способности человека пользоваться речью и языком. Мы увидим, что существовал большой отрезок времени в истории вопроса, который еще не имел имени психоллингвистики, но занимался фактически ее предметом. Его можно назвать «нулевым этапом» развития психоллингвистики, и его рассмотрение важно для понимания того, на какой основе возникла наука, принявшая имя психоллингвистики. С него мы и начнем наше повествование.

3.8.2. «Нулевой этап» психоллингвистики

3.8.2.1. Вклад древних ученых

Загадка человеческого слова встала перед учеными с давних времен. По дошедшим до нас источникам, уже в эпоху античности обсуждалась проблема природы и происхождения языка. Дискутировались вопросы, как связаны между собой звук и значение, чем слово отличается от обозначающей вещи, можно ли через имя воздействовать на носителя имени, каким образом говорящий человек выражает себя в речи. Обсуждение этих вопросов нередко имело мистический налет, владение словом рассматривалось как божественный дар.

Божественная сущность языка

Первая известная науке теория происхождения языка говорила о его Божественном начале. Она излагается в Библии как историческое, то что Бог наделил Адама правом именовать все творения, созданные на Земле. Адам, давая существам имена, вкладывал в них Божественную душу, вводил в мир Бога. Тогда имя становилось важнейшей составной частью называемого объекта и обожествлялось.

Идея божественности языка проявляется и много позднее времени своего появления. Дух этой идеи выражен в



Рис. 3.49. Сандро Боттичелли. Венера представляет юношу семи свободным искусствам (семи ветвям знаний). Фрагмент фрески. Лувр. 1485.

стихотворении Н. Гумилева 1919 года *Слово*, сокращенный вариант которого приводится ниже.

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

*И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.*

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.*

Представление о высокой значимости речи и языка выражается и в изобразительном искусстве. Известна фреска Боттичелли XV века, где изображена сцена представления Венерой юноши семи свободным искусствам. Эти свободные искусства Грамматика (слово, язык), Риторика,

Логика, Арифметика, Астрономия, Геометрия, Музыка. Каждое из искусств в виде аллегорической женской фигуры имеет в своих руках символ своего дела. Примечательно, что в руках у Грамматики лук — символ посылы, направляемого в цель, а ее фигура возвышается надо всеми другими, символизируя ее власть (Рис. 3.49).

*Произошел ли язык естественным путем
или на основе соглашения между людьми?*

Этот вопрос, сохранивший свое значение вплоть до наших дней, был впервые поставлен древними греками. Рассматривались аргументы по поводу того, является ли язык плодом соглашения между людьми или в нем отражается естественное сходство между словом и называемой им вещью. Сторонники первой позиции стали называться конвенционалистами (их авторитетный представитель — Аристотель). Натуралисты, напротив, считали форму слова не случайной, а сущностным образом связанной с его функцией, содержанием.

В одном из своих знаменитых диалогов «Кратил» Платон приводит аргументы в пользу существования внутренней связи между звучанием слова и его смыслом.

По Платону, слово — это орудие обучения и распределения сущностей, подобно тому, как челнок — орудие распределения нити на прядильном станке. Для каждого дела отыскивается орудие, назначенное ему от природы. Когда же человек сам создает орудие, он должен придать ему не какой угодно вид, но именно такой, какой назначен природой. Такую работу наименования вещей, создания языка, производят особые, редкие люди, лучшие умы среди людей, «законодатели». Они умеют воплощать в звуках то самое имя, какое в каждом случае назначено от природы.

Платон подробно рассматривает вопрос о «естественности» изобретаемых слов. На примерах он показывает, что в словах путем использования подражания звучанию или других сущностных признаков так или иначе воспроизводится обозначаемый предмет.

Поскольку не все слова развитого языка поддаются такого рода «объяснению», то вводится идея ухудшения слов при их хождении среди людей, их испорченность. Испорченность может возникать при заимствовании слов из других языков.

3.8.2.2. Идея рациональности

XVII век принес с собой идею рациональности в понимании природы языка. Эта идея восходила к Рене Декарту (1596—1650). В своей работе «Рассуждения о методе для хорошего направления разума и отыскании истины в науках» он утверждал, что в основе нашего мышления лежат рациональные врожденные идеи: числа, фигуры, логические и математические понятия. Из этих идей возникает язык. Хорошо развитое мышление порождает ясный и логичный язык. Логика мысли отражается в логике языка. Каждому акту мысли есть соответствие в языке.

Эти идеи нашли отражение в появившемся в 1660 году исследовании под названием «Грамматика общая и рацио-

нальная Пор-Рояля». Ее авторами были два молодых ученых А. Арно, философ, последователь Декарта, и лингвист К. Лансло. Они соединили свои усилия для создания труда по теории языка, поселившись в монастыре Пор-Рояля, недалеко от Парижа. За сравнительно короткое время такой труд был создан, и в нем была последовательно выражена рационалистическая декартова идея. Грамматика, по мысли авторов, исследует универсальные законы выражения мысли в слове, прежде всего — в предложении. Она изобретается, придумывается людьми, в ней люди проявляют операции своего рассудка. Каждому акту сознания — созерцанию, суждению, умозаключению соответствует своя грамматическая операция. Грамматика призвана выражать логику. Рассматривая последовательно разные стороны языка: буквы, слоги, слова, включив лексику, синтаксис, авторы стремились проследить эту связь. Поскольку в ряде моментов эта связь не была обнаружена, ученые объяснили это тем, что логика образует высший рациональный слой языка, однако в процессе его использования возникают «испорченные» формы, которые создают низший слой повседневного языка.

Идеи «Грамматики», в частности представление о существовании двух языков, имели своих более ранних предшественников, а также и поздних последователей вплоть до наших дней (Ю.С. Степанов, 1998, с. 271).

3.8.2.3. Внешние воздействия и язык

Идея первенства внешних воздействий в усвоении языка выражена английским ученым Джоном Локком (1632—1704). Локк принадлежал к плеяде философов, получивших имя сенсуалистов. Их основная позиция — постараться понять человеческую психику как имеющую естественное происхождение через посредство поступающих через органы чувств впечатлений. Знаменитая формула Локка гласит: «Нет ничего в интеллекте, чего не было бы в чувствах».

В трактате «Опыт о человеческом разуме» Локк помещает главу «О словах». Здесь он выступает как конвенционалист. Слова — произвольно выбранные обозначения идей. Они вовсе не отражают естественных связей между специфическими звуками и определенными идеями. Назначение слов — быть понятными символами для выражения идей. Слова являются символами идей, а идеи — «подлинное и непосредственное наполнение» знака. В то же время с помощью слов создаются общие и абстрактные идеи. Это дает возможность человеку развиться в особое, высшее существо на земле.

3.8.2.4. Внутренние психологические способности и язык

Готфрид Лейбниц (1646—1716), немецкий философ, математик, лингвист, энциклопедист с широким кругом интересов, поднял на щит тему внутренних способностей, определяющих возникновение и функционирование языка. К формуле Локка «Нет ничего в интеллекте, чего не было бы в чувствах» остроумно добавил: «...кроме самого интеллекта». В своей работе «Новые опыты о человеческом разуме» (1704) непосредственно полемизировал со своим именитым оппонентом. По мысли Лейбница, душа изначально содержит в себе основания различных понятий, которые только пробуждаются внешними объектами. Врожденные идеи заключены в разуме, как прожилки камня в глыбе мрамора.

Слова — не конвенциональные знаки. Они «вовсе не так произвольны и случайны, как это представляется некоторым, поскольку вообще нет ничего случайного в мире, и только наше незнание не позволяет иногда выяснить скрытую от нас причину». Естественная природа языков, по мнению Лейбница, основана на звуках. Поэтому он активно занимался этимологическим анализом, прослеживал исторические пути происхождения словесных форм, полагая, что в их основе лежит нечто примитивное, первоначальное. В этой связи он изучал этимологию

языков Азии, Исландии, Африки, составлял обширные списки семейств слов, работал как современный лингвист. Лейбниц до конца жизни искал в природе «некий философский язык», который бы «помог в анализе нашего мышления». Он также изобретал его сам с опорой на математическую символику и логику.

Отметим попутно высокое нравственное начало в действиях Лейбница. Оппонируя позиции своего старшего и авторитетного современника Локка, он настойчиво, но безуспешно, искал с ним прямого контакта (что было в то время не так просто: Локк — житель Англии, Лейбниц — Германии). Когда же в 1704 году Локк умер, Лейбниц не стал публиковать свою уже законченную полемическую книгу «Новые опыты»; книга была издана лишь после смерти самого Лейбница.

3.8.2.5. Язык и дух

На смену рационализма XIX век принес романтическую идею: язык — проявление человеческого духа. Сущность языка в том, как дух обнаруживает себя в нем. Крупнейшим представителем этой позиции стал немецкий ученый Вильгельм Гумбольдт (1767—1835). Знаток многих языков, он исследовал, какими путями языки разных типов образуют слова, каковы способы обозначения их родства, как слова связываются в предложении и каким образом обозначается эта связь. Он пришел к мысли, что эти операции необходимы человеческому духу для самовыражения, и они представляют собой «чисто умственную» сторону языка, его внутреннюю форму. Внутренняя форма языка тесно связана со сферой понятий человека, его видением мира. Даже при, казалось бы, простом наименовании предметов человек выражает не сам предмет, а свой взгляд на него. Давая имя, человек относит предмет к системе, затрагивает общие отношения и логические понятия.

По мысли Гумбольдта, язык выражает дух не только отдельного человека, но и целого народа. Существуют языки реал-

листические (например, греческий) и субъективные (например, немецкий). Первый больше соответствует практическим делам, второй — поэзии, философии. Национальный характер языка проясляется в словосочинении, речевых периодах. Богатство понятий увеличивает их сложность. Народы с сильным поэтическим и философским духом имеют развитый и сложный язык.

Гумбольдта принято считать языковедом, лингвистом. Однако его глубокое проникновение во внутреннюю структуру языка, в ее связи с человеческим духом дает все основания рассматривать его работы как психологические или, быть может, психолингвистические. Не удивительно, что многие его последователи развивали именно психологическую сторону его учения.

3.8.2.6. Язык и мысль

Среди последователей Гумбольдта видное место принадлежит нашему соотечественнику А.А. Потебне (1835—1891). Он, как и Гумбольдт, опирался в своем исследовании на знание многих языков. Главная тема его труда — вопрос о соотношении языка и мысли. Эта тема, по его мнению, исчерпывает все языковедение. Основная идея Потебни состояла в том, что язык формирует мысль, является порождающим мысль механизмом. Отсюда возникает возможность увидеть в языкознании материал для изучения развития мысли. Так, грамматические категории дают возможность развиваться основным категориям мысли. Построение предложений можно рассматривать как взаимодействие понятийных категорий. Рост предикативности в языке связан с эволюцией сознания, когда идея процесса, динамики становится ведущей. В этих общих воззрениях Потебни на природу языка можно видеть развитие той линии, которая связана с идеей «промежуточного мира» (мира, создаваемого языком) Вайсгербера, гипотезой лингвистической относительности Сепира-Уорфа.

3.8.2.7. Язык и природа

Крупнейшим ученым рубежа XIX и XX веков, разрабатывавшим вопросы психологии языка и речи в связи с природными основаниями, стал В. Вундт (1832—1920). С его именем вообще нередко связывают начало психологии как самостоятельной науки, имеющей свои экспериментальные основания. Среди многих изученных им психологических проблем была проблема языка и речи, рассмотренная не только в психологическом, но и естественнонаучном аспекте. Он интересовался вопросом происхождения человеческого языка и объяснял его общей присущей людям способностью выражать свои чувства и аффекты. Язык, по мнению Вундта, имеет то же происхождение, что и жесты, крики радости или горя, являясь средством выражения психологических состояний и эмоциональной сферы. В связи с этой точкой зрения Вундт анализировал язык жестов маленьких детей и глухонемых, сравнивал жесты первобытных народов и европейцев. Большое значение он придавал использованию в речи природных звуков, считая, что звукоподражание и звуковые жесты составляют натуральную основу человеческого языка. Наблюдаемую в ходе времени изменчивость языков он объяснял сдвигами в звуковой структуре, которые вызваны причинами физиологического и психологического характера: затруднениями в произнесении, смешением звуков, заимствованиями из одного языка в другой, влиянием социального окружения, культуры.

Основная работа Вундта по теме языка и речи издана давно, в 1900 году, и не переведена на русский язык, что жаль, поскольку, кроме многих ценных мыслей и наблюдений, она выражает актуальный в наши дни естественно ориентированный подход к рассматриваемой проблеме.

3.8.2.8. Язык — это система

Идея системности языка была введена в научный обиход швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром (1857—1913). Его подход положил начало новому направ-

лению — структурализму, позднее глубоко проникшему в разные науки: лингвистику, литературоведение, социологию. На психологию разработки Соссюра также оказали сильное влияние. Он провел строгое различие между языком и речью. Язык — это надиндивидуальное, общее явление, социальное по своей природе. Речь состоит в использовании языка, она текуча, неустойчива, переменчива. Язык — предмет изучения лингвистики, речь — психологии.

Соссюр предложил свой угол зрения на язык. Если до него лингвисты изучали более всего историю изменения языков (историческое языкознание), то он привлек внимание к тому, что каждый язык имеет свою внутреннюю организацию — структуру, образуемую отношениями входящих в нее элементов. Элементами языковой структуры являются знаки. Каждый знак содержит в себе две стороны: означающее (например, звучание слова) и означаемое (мыслительное содержание, связанное с данным звучанием). Означающее и означаемое входят в языковую систему, подчиняясь одному общему принципу: каждый знак имеет свой набор «дифференциальных признаков» отличающих его от любого другого знака данного языка, и тем самым занимает свое уникальное место в общей системе. Так, слова *сел* и *сель*, имея общие фонетические элементы, различаются одним дифференциальным признаком — мягкостью конечной согласной. Фонетические дифференциальные признаки образуют специфичность означающего.

Означаемые отличаются одно от другого набором дифференциальных семантических признаков и тем самым занимают каждое свое уникальное место в понятийной сети субъекта. В результате этого устройства каждого знака создается целостная система языка. Она обладает определенной устойчивостью, но при изменении какого-либо ее компонента, например заимствовании из другого языка фонетического или семантического элемента, вся система переходит в другое состояние.

3.8.2.9. Развитие эмпирического аспекта

Вплоть до XX века исследования по интересующей нас тематике носили преимущественно глобальный характер, ставились и обсуждались вопросы наиболее общего свойства: происхождения языка, его природы, связи с рациональной или эмоциональной стороной психики. Такого рода подход был естественен на современном ему уровне развития естественных и гуманитарных наук. В то же время для дальнейшего развития области было необходимо накопление конкретных фактических данных, проверка и уточнение гипотез, порой сужение сферы исследования для достижения более точных результатов.

Именно это и произошло в начале XX века, когда в науке активно развивался эксперимент, возникали подходы к формированию психологии как позитивной науки, опирающейся на объективные факты. В области исследования речи появились темы конкретно-эмпирического характера. Поначалу исследователи пользовались первым доступным объективным методом — наблюдением. Стали накапливаться описания развития детской речи (ее онтогенеза). Привлекли внимание факты речевых ошибок типа оговорок, собирались и издавались словари такого рода форм речевых проявлений. Объектом исследований стали речевые нарушения, патологии речи, наблюдаемые при недоразвитиях, мозговых травмах. Несколько позднее появились темы взаимоотношения речи и мышления, речевой памяти, внутренней и эгоцентрической речи, биологического и социального в языке и речи. Возник поток исследований по отдельным, порой частным проблемам. Здесь следует констатировать этап эмпирической многоаспектности исследований (как это квалифицируется Я.А. Пономаревым).

Стремление к конкретности исследований в это время ясно выражено в лингвистике. Бодуэн де Куртене, основоположник Казанской школы в языкознании, развивал идеи эксперимента

в лингвистике. Один из его учеников, Богородицкий, организовал первую в России фонетическую лабораторию; другой не менее известный ученик, Щерба, создал фонетическую лабораторию в Петербурге. Работа последнего «О тройном аспекте языковых явлений и эксперименте в языкознании» оказала большое влияние на развитие конкретных языковедческих исследований.

3.8.2.10. Вторая сигнальная система

Вместе с накоплением эмпирических данных в первые десятилетия XX века в рассматриваемой области были сделаны важные теоретические предложения. Среди них следует отметить идею И.П. Павлова о второй сигнальной системе как сложного физиологического механизма, осуществляющего речезыковую деятельность.

Концепция второй сигнальной системы была выдвинута в конце жизни ученого и не получила серьезного развития при его участии. Однако она способствовала укреплению естественнонаучной позиции и ориентации на изучение механизмов речи. Поэтому павловский подход подготовил почву для появления когнитивного направления в психолингвистике нашего времени, который как раз и направлен на точное описание скрытых механизмов речезыковых процессов.

Главная направленность идеи второй сигнальной системы состояла в том, чтобы выявить в сложнейшей речезыковой деятельности человека некоторые простые основания, сопоставимые с высшей нервной (условнорефлекторной) деятельностью животных. Павлов обратился к феномену слова, предположив, что оно несет на себе функцию особого рода сигнала, действующего в сфере высшей нервной деятельности человека. Слово, по мысли Павлова, это сигнал непосредственных сигналов, которые оно обобщает, создавая возможность отвлечения и абстрагирования от непосредственной действительности. Тем самым вся высшая нервная деятельность человека преобразуется, поскольку возникает основа

для отвлеченного мышления, а в конечном счете и для науки.

Некоторые из ближайших последователей Павлова пытались неоправданно прямолинейно реализовать в экспериментах идею второй сигнальной системы, разрабатывая так называемую методику речевого подкрепления (см. труды А.Г.Иванова-Смоленского). Другая линия исследований, инициированная Н.И.Красногорским, оказалась значительно более адекватной и успешной. В работе этого ученого был впервые экспериментально выявлен факт существования физиологической связанности слов человеческого лексикона. В экспериментах Н.И.Красногорского и его сотрудника А.Я.Федорова (1935 г.) такого рода связи были обнаружены между однословными и однородными словами (названиями птиц). Опыт состоял в том, что детям для заучивания давался ряд слов, обозначающих птиц (*воробей, грач* и др.). После установления между словами ассоциативной связи на одно слово (*воробей*) путем подкрепления безусловным раздражителем вырабатывался условный рефлекс. После закрепления рефлекса каждое слово из ассоциативного ряда стало вызывать ту же реакцию, что и слово *воробей*. Введение пробы на обобщающее слово *птица* также «с места» вызвало условную реакцию. Данные факты свидетельствовали о возможности устанавливать в опыте межсловесные временные связи, а также выявлять те, что сложились в прежнем опыте человека.

В последующих исследованиях отечественных и зарубежных авторов (Г.Разрана, Б.Риса, Л.А.Шварц, О.С.Виноградовой, А.Р.Лурии, Т.Н.Ушаковой и др.) выявлен условнорефлекторный характер межсловесных связей и показано, что они являются физиологическим основанием так называемых вербальных сетей, или семантических полей (см. Рис. 3.50). Накоплены свидетельства тому, что межсловесные связи вырабатываются в жизненном опыте и оказываются достаточно стабильными. Все слова человеческого лексикона хранятся «внедренными» в

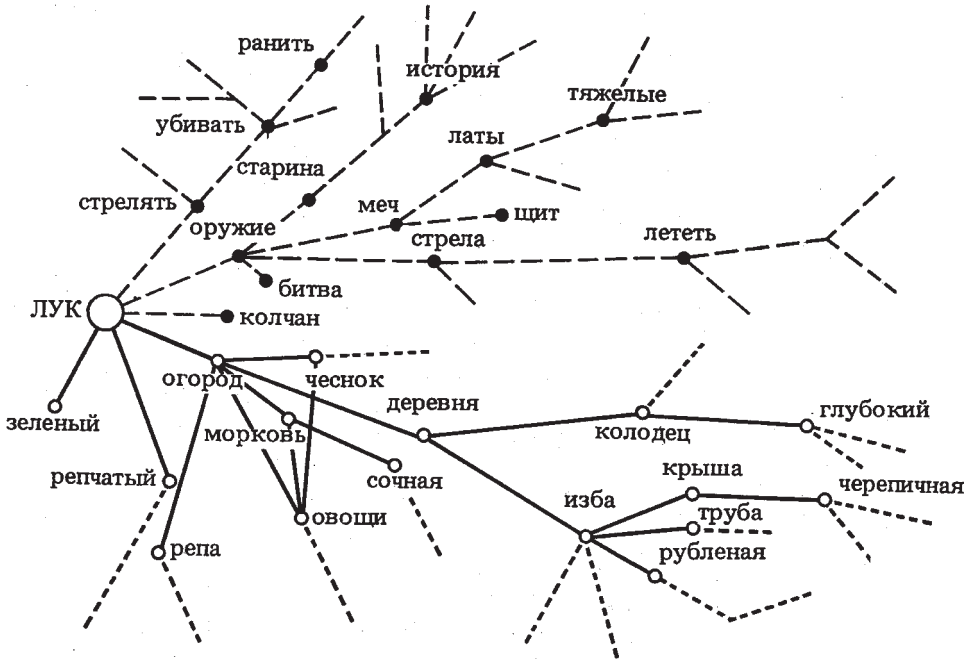


Рис. 3.50. Схема образца «вербальной сети».

материю вербальной сети, и этой материи принадлежит важная роль в общем речевом механизме. Эти данные составляют физиологическое основание современных представлений об организации вербальной памяти человека. В форме вербальных ассоциаций такого рода связи описываются и активно исследуются в настоящее время в психолингвистике.

3.8.2.11. Речь — это поведение

Данная идея разрабатывалась в русле направления, получившего название бихевиоризма (behaviour — поведение). Возможность описания речи с помощью тех же понятий и представлений, что другие формы поведения человека, обстоятельно аргументирована в книге Б.Ф. Скиннера *Verbal behaviour* (1957). Люди приучаются употреблять определенную речевую форму в некоторых повторяющихся ситуациях. Это есть, по сути, обусловленная вербальная реакция. Она подкрепляется взаимным по-

ниманием людей и их адекватными действиями. Повторное возникновение данной ситуации автоматически вызывает выработанную вербальную реакцию в скрытой или явной форме. Словесная реакция может служить побудительным стимулом для другой словесной реакции. Возникает цепь рефлекторных актов, используемых людьми в общении между собой. Эта цепь образует «вербальное поведение».

Бихевиористский подход к речи направлен на выявление в сложных процессах речевого общения людей некоторых повторяющихся стереотипных форм, поддающихся относительно простому описанию. Это направление в известном смысле сохраняет свое значение в наши дни. Однако современные исследования в значительно большей степени ориентируются на нестереотипные, продуктивные и творческие возможности речи. Внимание скорее привлекает то, что область речи предоставляет обширное поле для человеческого творчества.

Кратко рассмотренная выше история идей и подходов к выяснению природы феномена языка и речи демонстрирует, с нашей точки зрения, два момента: с одной стороны, блеск и изобретательность человеческого ума, обратившегося к познанию самого себя, возможно, — своей вершинной сущности; с другой стороны, — огромную, быть может, непостижимую сложность рассматриваемого объекта. И то, и другое — впечатляет, расширяет горизонт нашего предмета.

А теперь попробуем выяснить, что нового в психолингвистическое поле проблем принес последующий период, который стал называться собственно психолингвистическим.

3.8.3. Этап современной психолингвистики

3.8.3.1. Начало

Возникновение современной психолингвистики датируют 1953 годом, когда на семинар в Блумингтоне собрался цвет психологического и лингвистического сообщества, возглавлявшийся такими известными учеными, как Ч. Осгуд, Дж. Кэрролл, Ш. Себеок. В результате двухмесячной работы группы на берегу океана появилась книга: *Psycholinguistics. A survey of theory and research problems*. Ed. by Ch. Osgood and T. Sebeok. Baltimore, 1954. Она заложила основу большого и динамичного научного направления, продолжающего сейчас свое активное развитие. Она дала ему имя и утвердила идею соединения подходов и знаний двух к той поре разделенных областей психологии и лингвистики. Важно, что такое соединение было осуществлено на основе теоретической модели поведения, предложенной Ч. Осгудом.

Эту модель в наши дни нередко называют бихевиористской, вкладывая в это определение упрек в упрощенчестве. При этом забывается, что известное упрощение нередко бывает компенсировано при тепершнем уровне наших знаний конкретностью и определенностью, и его вряд ли можно считать большим

грехом, чем расплывчатость и неопределенность понятий, нередко бытующих в психолингвистике.

Центром теории Ч. Осгуда является уровневая модель поведения. Эти уровни следующие: Мотивационный (его единицы — предложения), Семантический (единицы — словесные элементы предложения), Уровень последовательностей (единицы — фонетически оформленные слова), Интеграционный (единицы — слоги). Модель, таким образом, охватывает общим каркасом основные этапы речевого процесса у человека, начиная с восприятия речи, включая внутреннюю переработку речевого материала и кончая произнесением речи.

Названная работа стимулировала множество исследований и публикаций, трактующих психолингвистические проблемы. В различных странах мира возник живой интерес к новой науке, к психолингвистическим исследованиям обратились многие психологи и лингвисты. Психолингвистика нашла отражение в энциклопедических изданиях; появились специализированные журналы, публикующие результаты проводимых экспериментальных исследований.

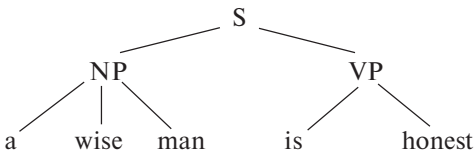
Примерно через 10 лет начался новый этап психолингвистики, связанный с именем Н. Хомского и обращением к так называемой трансформационной, или генеративной грамматике. Согласно представлениям Хомского, при формировании всякого высказывания (предложения) в мышлении человека складывается система суждений, выражающих значение предложения, и эта система образует глубинную структуру предложения. Она состоит из системы категорий абстрактного характера. При посредстве специальных операций — грамматических трансформаций — глубинная структура преобразуется в поверхностную структуру, также состоящую из системы категорий и элементов теперь уже конкретного характера. В частности, расположение и взаимосвязь слов в поверхностной структуре такие, какие мы слышим в производимой речи. На следующем шаге языковых операций к поверхностной

структуре применяются трансформации фонетического характера, в результате чего образуется звучащая речь.

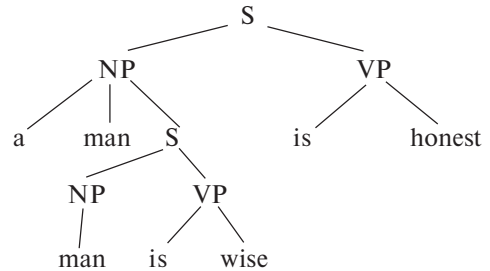
Названные компоненты образуют, по мысли Хомского, универсальную грамматику языка, используемую каждым говорящим человеком. Природа грамматики включает, таким образом, способность приписывать глубинную и поверхностную структуры бесконечному множеству предложений, соотносить эти структуры соответствующим образом, приписывать семантическую интерпретацию глубинным структурам и фонетическую интерпретацию поверхностным структурам [Хомский, 1972, с. 41]. Такого рода система создает возможность для свободного, творческого использования языка. Хомский подчеркивает, что новаторский характер, свобода от воздействия внешних стимулов, бесконечное разнообразие и тесная связь с человеческим интеллектом составляют характерную черту языка. В связи с этим науку о языке, лингвистику, он считает составной частью психологии. Интересно отметить, что общие представления Хомского о протекании рече-производящего процесса оказываются психологическими по своему характеру.

Другое дело его разработки тех конкретных операций, которые требуются для характеристики глубинных и поверхностных структур и перехода от одних к другим. Эти операции представляют собой формальные трансформации элементов синтаксических структур. Поясним это с помощью примера, используемого в публикации Хомского [1972, с. 40].

Так, предложение *A wise man is honest* (*Мудрый человек честен*) в описании его поверхностной структуры может быть разложено на составляющие его субъект *a wise man* (*мудрый человек*) и предикат *is honest* (*честен*), и эта структура представляется в виде дерева:



Глубинная структура этого предложения будет несколько иной. В ней следует отразить, кроме того суждения, которое показано в поверхностной структуре, еще одно суждение с субъектом *man* (*человек*) и предикатом *be wise* (*быть мудрым*), то есть она содержит в себе не одно, а два суждения. Это показано на нижеследующей схеме.



Поверхностные и глубинные структуры, согласно трансформационной грамматике, соотносятся между собой строгим образом. Существует однозначный алгоритм с фиксированными операциями, чтобы вычислительная машина произвела этот перевод. Владение человека каким-либо языком представляет собой владение грамматикой, которая порождает бесконечное множество глубинных структур, отображает их на поверхностных структурах, выражает семантические отношения и задает фонетическую интерпретацию. «Грамматика этого типа, — пишет Хомский, — задает, следовательно, определенную бесконечную корреляцию звука и значения» [там же, с. 42].

На основе такого рода рассуждений лингвистическая модель была перенесена на функционирование психики, и на ее основе построены экспериментальные исследования с целью показать «психологическую реальность» грамматических трансформаций в речевой деятельности человека. Проводились измерения микроинтервалов времени, в течение которого испытуемые производили в эксперименте трансформационные операции: переводили активные утвердительные предложе-

ния в пассивную, отрицательную, вопросительную и др. формы (Дж.Миллер и К.МакКин, 1964). Изучалось запоминание предложений разной трансформационной сложности (Ж.Мелер, 1963; А.Сэвин и С.Перчонок, 1965). Исследовался процесс сопоставления наглядно воспринимаемого материала (картинок) и описывающих их предложений разной трансформационной структуры (Д. Слобин, 1966; Д.Го, 1965, 1966).

Результаты проведенных экспериментов первоначально, казалось бы, свидетельствовали в пользу трансформационной грамматики, однако со временем стали накапливаться расхождения с ней. Трансформационная гипотеза подтверждалась лишь при искусственных условиях оперирования языком. Когда же человек использует язык в естественной функции, с полноценным включением семантических отношений, соответствие исчезает.

Такой результат исследований привел к отходу от трансформационной грамматики и повороту в сторону собственно психологических проблем, связанных с речевой деятельностью.

С самого начала возникновения современной психолингвистики большое значение имели работы Ч. Осгуда. Кроме той общей модели речевого процесса, о которой говорилось выше, важными оказались его разработки семантического аспекта. С его именем связано возникновение направления, получившего имя психосемантики, и приобретшего многих последователей. В 1957 году им предложен путь количественного измерения субъективной семантики слов, так называемый метод семантического дифференциала. В основу метода положен прием субъективного шкалирования испытуемым предъявляемых слов по выявленным автором шкалам. По экспериментальным данным эти шкалы оказались: оценка («хороший—плохой»), сила («сильный—слабый»), активность («активный—пассивный»). Предъявляя испытуемым разные слова с задачей определить выраженность изучаемого признака на соответствующей шкале (значения от +3 до —3), исследова-

тель выявляет семантические различия (семантическую дифференцированность) предлагаемых слов. Область современной психосемантики существенно расширилась, в нее входят исследования структуры сознания человека, социологические исследования массового сознания, массовой коммуникации, психология рекламы, исследование содержания текстов и мн. др. (В.Ф. Петренко, Е.Ю. Артемьева, А.Г. Шмелев и др.).

В более поздней работе 1980-го года Ч.Осгуд разрабатывает понятие глубокой когнитивной системы, обеспечивающей переработку семантической информации. По его мнению, система грамматики языка является вторичной по отношению к общей семантической системе психики человека. Последняя обрабатывает как языковой, так и перцептивный материал, включает сферу отвлеченных понятий. Многие элементы семантической системы складываются в раннем детском возрасте, еще в доязыковом познании. Понимание и создание речевой продукции в большой мере зависит от общей базы знаний человека, контекста речи и понимания действительности говорящим и слушающим. (Здесь мы видим большое сходство тезисов Осгуда с идеей Н.И. Жинкина об универсальном предметном коде внутренней речи (см. ниже), предложенной существенно раньше по времени.) Построение речи, по Осгуду, направляется не столько логическими основаниями, сколько семантическими медиационными признаками элементов лексикона, словами. Здесь автор фактически реализует свои ранние психосемантические представления: дифференциально-семантические признаки, выразители эмоционально-оценочного отношения, по его мысли, представляют собой наиболее обобщенную форму знаний о мире. Они и являются теми медиаторами, которые объединяют мир и язык.

Проблемы семантики речи составляют содержание многих современных работ. Характеризуя же в самом общем плане направление текущих психолингвистических исследований, следует отметить их

когнитивистскую направленность. Это значит, что, с одной стороны, к психолингвистическим исследованиям по стилю их проведения предъявляются высокие современные требования точности, выверенности и доказательности; с другой стороны, — речевые феномены рассматриваются в контексте других когнитивных явлений, как общие по своей природе. Отметим также разнообразие проводимых разработок, присутствие многих векторов в ведущихся поисках. Проводимые исследования имеют достаточно свободный и разнообразный характер. Предлагаемые теоретические модели обычно относятся к когнитивистскому типу.

3.8.3.2. Психолингвистика в нашей стране

Психолингвистические направления, развившиеся в нашей стране, указывают на различных своих идейных предшественников. Чаще других в этом контексте называются имена психологов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и некоторые другие. Названные авторы, хотя и не были в прямом смысле психолингвистами, однако оказали несомненное влияние на последующие психолингвистические разработки.

Одной из наиболее ранних фундаментальных разработок, проведенных непосредственно в области психологии языка и речи, стали у нас исследования Н.И. Жинкина. В 1958 г. вышла его книга «Механизмы речи», привлекая к этой теме многих специалистов. Основной фактический материал, представленный в книге, строился на кинорентгенографической съемке артикуляторных органов во время произнесения испытуемыми заданных фраз. Направленность же всего исследования состояла в том, чтобы на основе этой модели выявить общие правила и закономерности функционирования механизмов речи. В работе были выделены два принципиальных механизма, действующие при произнесении: один из них управляет дискретными структурами (артикуляторными), другой — образует непрерывность, плавность говорения

(словообразование). Переходя от этого случая к общему механизму, Н.И. Жинкин показал, что и язык является системой дискретных элементов пяти уровней (начиная с дифференциальных признаков и кончая алфавитом сочетаемости слов) [Жинкин, 1998, с. 81]. В противопоставлении с этим речь осуществляет непрерывное регулирование в форме отбора звуков для составления слов и отбора слов для составления предложений.

Изучение артикуляторных, внешнерегистрируемых, проявлений привело автора к представлению о внутренней речи как важнейшему элементу речемыслительного механизма. В этом звене, полагал он, происходит перевод воспринимаемого текста на внутренний код, причем этот код является универсальным и предметным (УПК). С его помощью принимающий речь человек преобразует ее в модель отрезка действительности. «Понимать надо не речь, а действительность», — остроумно отметил автор [Жинкин, 1982, с. 92]. Идея образного кода внутренней речи имеет много сторонников.

В более поздних своих работах, Н.И. Жинкин рассматривал широкий спектр проблем функционирования речи и языка в контексте проблем передачи информации [Жинкин, 1998, с. 8—36; Жинкин, 1982]. В то же время он подчеркивал необходимость разработки общих проблем распознавания и синтеза речи с опорой на конкретные экспериментальные и психофизиологические данные.

Н.И. Жинкин имел многочисленных последователей (И.А. Зимняя, Т.М. Дридзе, В.И. Тункель, Г.Д. Чистякова и др.), развивших и продолживших его начинания. В исследовании И.А. Зимней разработана модель формирования и формулирования мысли посредством языка (1985). Ею подчеркнута роль мотивации при говорении, разграничен предмет говорения (мысль), средство говорения (язык) и способ (речь).

В развитии отечественной психолингвистики основополагающую роль как в научном, так и организационном плане сыграла Московская психолингвистичес-

кая школа, возглавляемая А.А. Леонтьевым. Уже с 1960-х годов стали выпускаться книги, дающие информацию об основных позициях зарубежной психолингвистики [Леонтьев, 1965; 1967], организовывались постоянно действующие семинары, активизировались научные силы, предложена собственная теоретическая позиция в области психолингвистических исследований [Леонтьев, 1969].

В рамках указанной школы разработана теория речевой деятельности, реализующая деятельностный подход, представленный в психологии А.Н. Леонтьевым. Центральной частью теории речевой деятельности стала принципиальная схема порождения речи, «реализующаяся независимо от выбора конкретной порождающей модели» [Леонтьев, с.113]. Порождение, согласно теории, проходит несколько этапов. Первым из них является внутреннее программирование высказывания, включающее «содержательное ядро» будущего высказывания и иерархию пропозиций, лежащих в основании программы. На следующем этапе происходит грамматико-семантическая реализация внутренней программы, включающая несколько подэтапов: перевод программы на объективный код, введение линейного принципа, синтаксическое прогнозирование, действие механизма синтаксического контроля. На основе внутреннего семантико-грамматического программирования высказывания осуществляется его моторное программирование, в результате которого человек произносит осмысленную и грамматически оформленную речь. А.А. Леонтьев подчеркивает, что описанные операции являются не реальными действиями говорящего, а «скорее своего рода граничными условиями», оставляющими простор для применения различных эвристических приемов [Там же, с.120].

Во многом сходную последовательность этапов порождения высказывания описывает Т.В. Ахутина (1989), используя как основание своей модели данные афазических расстройств.

Линия когнитивно и механизменно

ориентированных психолингвистических исследований развита коллективом Лаборатории психологии речи и психолингвистики в составе Института психологии РАН (Т.Н.Ушакова, Н.Д.Павлова, Н.А.Алмасев, И.А.Зачесова, В.В.Латынов, Н.Б.Михайлова, А.А.Павлова, В.А.Цепцов, Л.А.Шустова и др.). Выработано целостное представление о речезыковом механизме говорящего человека, реализующего основные речезыковые функции. На основе цикла экспериментальных работ лаборатории построена обобщающая теоретическая модель, в главных чертах описывающая процессы, происходящие при порождении и восприятии речи (Ушакова, 1991) (модель будет представлена позднее). В качестве важнейшего элемента выделено звено внутренней речи как механизма переработки в нервной системе говорящего субъекта информации, связанной с подготовкой будущего высказывания и пониманием воспринятой речи. С опорой на экспериментальные факты показано, что внутренняя речь имеет сложную иерархическую организацию и включает специализированные функциональные структуры, вырабатываемые в онтогенезе человека и закрепляющие языковые знания говорящего. Важное место среди них занимают ассоциативные поля, «вербальные сети», обеспечивающие связь употребляемых в речи слов.

Поскольку текст в широком смысле является главной формой речевого продукта, Лаборатория осуществила большой круг исследований психологического аспекта текста. Развито представление о системообразующей роли интенции, намерения, в речепорождении [Ушакова, Павлова и др, 2000]. Разработан метод интен-анализа текста.

Большое место в разработках заняли исследования речевого онтогенеза [Ушакова, 1979, 1999; Ушакова, Бартенева, Шустова, 2000]. Получены новые данные о раннем, предречевом развитии, дающие возможность выявить природные корни речевой способности младенца. Подчеркнут аспект саморазвития языковой системы у маленького

ребенка, что проявляется, в частности, в детском словотворчестве.

Психофизиологическая ориентация сотрудников Лаборатории способствует фундированности проводимых исследований и надежности развиваемой теории. Немалое место в коллективе заняли работы прикладного характера: исследование конфликтных выступлений, анализ и квалификация современных политических дискуссий, проведение экспертных заказов, анализ переговоров, речевая диагностика и консультирование, речевое управление техникой и др. (Т.Н.Ушакова, В.В. Латынов, А.А.Павлова, Н.Д.Павлова, В.А.Цепцов, Л.А.Шустова и др.).

Значительное место в отечественных психолингвистических разработках заняла тема организации и функционирования ментального лексикона. Основным предметом исследований стали вербальные ассоциации человека, изучаемые на материале разных языков (А.А.Залевская, 1977, 1990; Ю.Н.Караулов, 1976, 1994; Ю.А. Сорокин Ю.Е.Ф. Тарасов, Н.В.Уфимцева, 1993, 1998 и др.). На основе экспериментальных фактов разработаны теоретические представления об организации ассоциативных полей, видах вербальных связей, их функционировании как средства доступа к информационному тезаурусу человеческого сознания, о возможности кодирования значения в словах. В других работ (О.С.Виноградова, 1959; А.Р.Лурия и О.С.Виноградова, 1971, Т.Н.Ушакова, 1976, 1979, 1991) представлены экспериментальные данные, проливающие свет на физиологический механизм связанности слов в нервной системе человека.

Крупной психолингвистической темой явилась проблема языка и сознания, образа мира говорящего человека, языковой личности (В.П.Белянин, 1996; Ю.Н.Караулов, 1987; Е.Ф.Тарасов, 1996; Н.В.Уфимцева, 1993; Т.Н.Ушакова и др., 1995). Немало оригинальных разработок проведено в направлении психологического исследования текста (Н.И.Жинкин, Т.М.Дридзе, Н.Д.Павлова, Ю.А. Сорокин, Т.Н.Ушакова и др.).

3.8.4. Основные положения современной психолингвистики

3.8.4.1. Общий контур речевого взаимодействия

Изучаемая психологией речи и психолингвистикой человеческая способность владеть словом многогранна и включает ряд необходимых компонентов. В соответствии с этими компонентами описывается общий контур речевого взаимодействия (рис. 3.51). Полная форма речевого процесса предполагает участие в нем не менее двух партнеров — коммуникантов. Они связаны направляемыми и принимаемыми сообщениями, образующими контур речевого взаимодействия. Каждый из

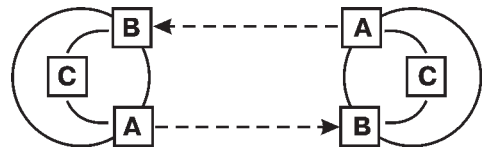


Рис. 3.51. Простейшая схема контура речевого взаимодействия.

участников общения может становиться то говорящим, то слушающим.

Необходимым элементом рассматриваемого контура является произносительный блок, включающий органы артикуляции и голосообразования (А). Общаясь, мы также воспринимаем и понимаем речь других людей, что осуществляется при посредстве воспринимающего блока, в устной речи — органа слуха (В). Не упустим и того обстоятельства, что речь строится на основе скрытой от непосредственного проявления системы языка, выработанных в детстве языковых умений и навыков. А что особенно важно — это возможность выражения через речь психологического содержания, мысли, чувств, воспоминаний. С помощью произносимых слов мы внешними средствами выражаем внутреннее, скрытые от других психологи-

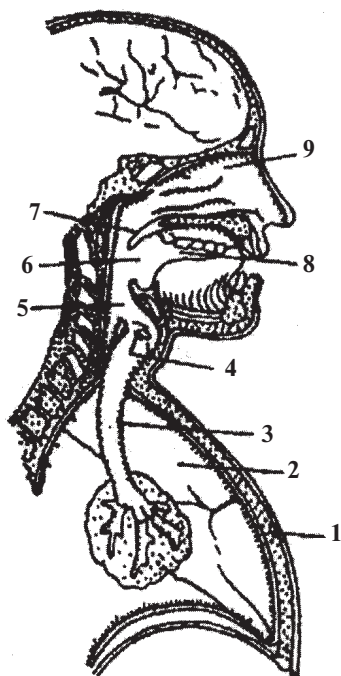


Рис. 3.52. Речевой тракт человека.

1 — грудная клетка, 2 — легкие, 3 — трахея, 4 — голосовые связки, 5 — гортань, 6 — полость глотки, 7 — нёбная занавеска, 8 — полость рта, 9 — полость носа.

ческие состояния. Блок С — внутренняя речь — принят для обозначения такого рода скрытых внутренних процессов, имеющих место в процессе говорения.

Произнесение

Осуществляется особым звеном речевого процесса. Обратим внимание на то, что в человеческом организме не существует отдельного органа, производящего звучащую речь. Эта функция реализуется комплексом содружественных акций, совершаемых различными органами, имеющими другое основное назначение. Это утверждение можно проследить по рисунку 3.52, где в совокупности представлены части речеобразовательного механизма. Рисунок воспроизводится по книге Л.В. Бондарко [1998, с.51]. К элементам речеобразовательного аппарата относятся также язык,

губы, зубы, твердое и мягкое нёбо, маленький язычок, надгортанник.

По своему функциональному назначению речеобразовательный механизм условно делится на две части: одна из них обеспечивает «энергетическую подпитку» механизма путем образования и действия воздушной струи, необходимой в речи; другая — генерирует звуки разного качества.

Общий принцип работы речевого аппарата состоит в создании во время речи движущегося потока воздуха (у взрослых — изнутри вовне), на основе которого с помощью голосовых связок создаются акустические возмущения. Остальные перечисленные выше элементы речевого механизма предназначены для разнообразных модификаций производимого звука путем создания специфических условий его резонирования и фильтрации.

Речевой аппарат производит два типа звуков — гласных и согласных. Первые образуются с помощью голосовых связок, работающих в содружестве с легкими и мышцами грудной клетки. Разнообразие гласных звуков создается за счет различного положения элементов речевого аппарата, прежде всего языка и губ. Так, в русском языке шесть разных гласных звуков образуются по принципу преимущественного задействования передней, средней и задней части языка, откуда характеристика звуков как передне-, средне- и заднеязычных.

Согласные звуки являются результатом двоякого вида актов: а) создания различных препятствий на пути воздушной струи в речевом тракте, следствием чего становится турбулентный шум и возникновение щелевых или фрикативных согласных, б) резкого смыкания тканей в различных местах речевого тракта, вследствие чего образуются губные, зубные и нёбные взрывные согласные.

Исследование аэродинамических процессов в речевом аппарате стало основой разработок акустических теорий речеобразовния — физко-физиологических по своему характеру. Одна из наиболее ранних теорий такого рода была предложена

в конце XVIII века в Санкт-Петербурге Кратценштейном. Позднее значительный вклад в эту проблему внес Гельмгольц. Разработка современного уровня теории связывается с такими именами, как Г. Фанг, К. Стивенс, Дж. Фланаган, Р. Якобсон, Л.А. Чистович, Л.В. Бондарко и др.

Следует, однако, обратить внимание на то, что теоретическое объяснение часто охватывает лишь элементарный уровень работы речепроизводящего механизма, связанного с произнесением отдельных звуков. В реальности, в речи взрослого человека осуществляется чрезвычайно сложная и быстрая координация многих изменчивых составляющих, относящихся к элементарным звукам. Разработка теории, объясняющей эту сложность, продвинута значительно меньше. Здесь можно лишь сослаться на тезис Н.И. Жинкина, предполагавшего существование двух взаимосвязанных видов управления речедвижениями — дискретный и континуальный, о чем говорилось выше.

Можно отметить также, что психологическая сторона теории должна охватывать не только процесс организации движений, но также и гораздо более высокие этажи механизма — те, которые связаны с переводом в речедвижения языковых элементов, активизируемых в связи с семантическими процессами, протекающими во внутренней речи. Эта область еще ждет исследовательских усилий.

Звено речевосприятия

Функцию восприятия устной речи принимает на себя в человеческом организме в основном слуховой анализатор, орган слуха. Этот орган с анатомической и физиологической стороны обладает сложным и тонким строением. В схематической форме оно представлено на рисунке 3.53, заимствованном из книги С.А. Гельфанда [1984, с.11]. Принято выделять в слуховом органе наружное, среднее и внутренне ухо. Наружное ухо образует ушная раковина и наружный слуховой проход, заканчивающийся барабанной

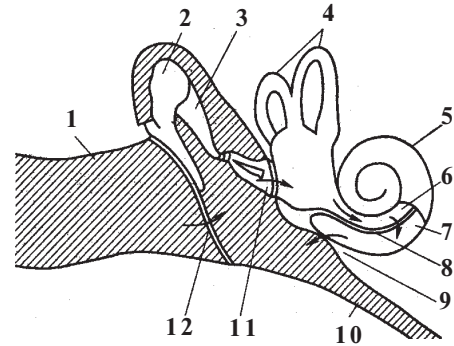


Рис. 3.53. Поперечное сечение уха человека. 1 — наружный слуховой проход, 2 — молоточек, 3 — наковальня, 4 — полукружные каналы, 5 — улитка, 6 — лестница преддверия, 7 — барабанная лестница, 8 — кортиева орган, 9 — окно улитки, 10 — слуховая труба, 11 — стремя, 12 — барабанная перепонка.

перепонкой. В среднем ухе, занимающем костную полость, важнейшими элементами являются три косточки, самые миниатюрные во всем человеческом теле. Это — молоточек, наковальня и стремячко. Назначение этих косточек — передавать колебания барабанной перепонки, возникающие под влиянием звуков извне, на внутреннее ухо. К среднему уху относится также слуховая, или Евстахиева, труба, приданная человеческому организму как модификация жаберной щели рыб. Для человеческого слуха эта труба важна потому, что, будучи открыта в полость носоглотки, она способствует установлению равенства давления на барабанную перепонку как из наружного, так и среднего уха. Если труба закрыта, что бывает следствием простудных болезней, барабанная перепонка втягивается, искажает воспринимаемые звуки, и человек плохо слышит.

Внутреннее ухо образует комплекс костных каналов, наполненных жидкостью и расположенных в височной кости. Не все каналы имеют отношение к функции слуха. Два из них — полукружные — являются органом равновесия. Внутреннее ухо располагается в так называемой улитке, спиралевидной костной структуре. Внутри вдоль тела улитки проходят две мембраны, делящие по-

лость улитки на три канала, заполненные лимфой. В среднем канале находится главный инструмент внутреннего уха — кортиева орган. От него отходит слуховой нерв, передающий воспринимаемые сигналы в слуховой мозговой центр.

Функциональное назначение перечисленных элементов органа слуха в общих чертах следующее. В наружном слуховом проходе за счет резонанса осуществляется значительное усиление значимых звуковых частот: в 2—4 раза. Основной функцией среднего уха считается согласование акустических сигналов, действующих в воздушной среде, при их переходе к жидкой внутренней среде улитки. В кортиевом органе мембрана своими различными частями по-разному резонирует на сигналы разной частоты. Иначе говоря, в органе слуха осуществляется частотно-избирательная фильтрующая функция. Дальнейшее преобразование звуковых колебаний в нервные сигналы происходит с помощью кортиева органа. Последний имеет систему волосковых клеток-рецепторов, расположенных вдоль мембраны и выполняющих функцию электромеханических датчиков. Воспринимаемая механические колебания, волосковые клетки преобразуют их в электрические импульсы, передаваемые на волокна слухового нерва.

Кроме анатомо-физиологической, существуют теории речевосприятия психофизиологического характера. Согласно одной из наиболее известных из них, восприятие акустического сигнала происходит в форме последовательной его обработки в слуховом анализаторе и сличении с имеющимся в памяти эталоном на завершающем этапе. Обработка сигнала в общих чертах состоит в трансформации акустических признаков в слуховые ощущения, затем выделении в них фонетических признаков (фонем, слогов, слов) и, наконец, создании перцептивного образа, включающего описание многих признаков сигнала на разных уровнях его отображения. Указанный круг представлений принято называть *сенсорной теорией речевосприятия*, поскольку она концентрируется на процессах, происходя-

щих в сенсорной области. Ее родоначальниками обычно считают Г. Фанта (Fant, 1960) и Р. Якобсона (Jacobson, 1966).

Моторная теория восприятия речи ставит акцент на тех процессах обработки физического сигнала, которые связаны с активизацией моторных артикуляций (Чистович, 1976; Liberman et al., 1962 и др.). Согласно этой теории, в речедвигательной области складываются моторные эталоны речевых единиц. Восприятие акустического сигнала связано с автоматической активизацией моторных импульсов, воспроизводящих входной сигнал. Оpozнание поступившего акустического раздражителя осуществляется, согласно моторной теории, на основе сличения этих моторных команд с имеющимися эталонами.

Обе названные теории имеют свои сильные и слабые стороны. Для обоснования сенсорной теории необходимо выявить инвариантные признаки акустических сигналов и эталонов, которые в потоке речи варьируют исключительно широко. Они зависят от позиции исследуемого звука в слове, его окружения другими звуками, индивидуальности говорящего и т. д. Выделить инвариантные признаки речевых единиц оказывается практически невозможно.

Свои трудности встречает и моторная теория. Понятно, что моторные эталоны говорящего складываются в результате его речевой практики. Из этого следует, что еще не владеющий речью ребенок вряд ли может различать слышимую речь. Однако это не так. Известно, что младенцы начинают понимать речь существенно раньше, нежели начинают говорить сами. Кроме того, сами эти команды отличаются высокой вариативностью и поэтому вряд ли могут служить эталонами в процессе речевосприятия.

Предложены некоторые подходы, стремящиеся разрешить трудности, встающие на пути названных выше разработок (Лосик, 2000).

Один из интересных новых подходов к теории речевосприятия разработан американской исследовательницей П. Куль-

(Kuhl, 1994). Автор отмечает, что изначально младенец способен различать любые фонетические элементы, существующие во всех мировых языках и демонстрирует высокую чувствительность к акустическим изменениям, происходящим у границ фонетических категорий. Однако к 12-ти месяцам жизни младенец утрачивает такую способность и перестает слышать ранее им различаемые контрастные позиции, используемые вне его родного языка. Классическим примером может служить тот факт, что в раннем младенчестве японские дети различают звуки *p* и *l*, тогда как взрослый японец эту способность утрачивает. Для объяснения этих явлений Куль предлагает теорию, получившую название эффекта перцептивного магнита (perceptual magnet effect). По ее мнению, у субъекта, не имеющего опыта в данном языке, вербальные сигналы запечатлеваются в перцептивном пространстве, все элементы которого расположены более или менее равномерно. С накоплением языкового опыта субъект подвергается воздействию языкового материала, среди которого постоянно встречаются типичные фонетические образцы — прототипы. Прототип приобретает свойство притягивать к себе близкие звуки, он становится своего рода магнитом. Тогда перцептивное пространство языковых звуков искажается, в нем возникают зоны сгущения и разрежения. В результате этого образуются фонетические категории, входящие в них образцы становятся трудно различимыми между собой. (Как, например, звуки *p* и *l* у взрослого японца.) Зато фонетические признаки, относящиеся к разным «зонам сгущения», т.е. к разным категориям, легко различаются.

Фонетические прототипы специфичны в различных языках. Поэтому у каждого носителя языка формируется специфическая «перцептивная карта». Она обеспечивает легкое различение фонем родного языка, но с трудом функционирует при восприятии чужого языка. Формирование перцептивной карты начинается у младенца в раннем возрасте и практически завершается к 6-месячному возрасту.

3.8.4.2. Внутреннее звено речи

Существование скрытых процессов в речевом взаимодействии людей давно привлекло к себе внимание ученых, которые высказывали различные точки зрения на это явление. Рассматриваются два вида внутреннеречевых процессов. Один из них — речь «про себя», т.е. беззвучное проговаривание, которое при озвучивании становится обычной, «внешней» речью. Другой — особое явление, качественно отличное от внешней речи, направленное на переработку информации от воспринятой речи и подготовку высказываний. Беззвучное говорение составляет объект интереса ученых, занимающихся исследованием мышления, где разработан прием озвучивания скрытых психических процессов, с целью выявления хода мысли. Так, К. Дункер в 30-е гг. XX века предложил методику «рассуждения вслух» для исследования решения творческих задач.

Другой феномен — внутренняя переработка связанной со словом информации — происходит при порождении человеком его внешне выражаемой речи, а также при восприятии и понимании им речи окружающих. Исследование этого феномена, непосредственно касающегося механизмов речи, оказалось ключевой темой современной психолингвистики, особенно ее когнитивного направления.

В разработке темы внутренней речи приняли участие многие видные психологи нашей страны. Однако их суждения оказались далеко не единодушными.

Широко известная концепция внутренней речи предложена Л.С. Выготским (1956). По мысли автора, внутренняя речь происходит из речи эгоцентрической. Поэтому структурные особенности последней позволяют судить о внутренней речи, недоступной для наблюдения прямым способом. Наблюдения за характером эгоцентрической речи позволили выявить основные характеристики внутренней речи. Они состоят прежде всего в ее сокращенности: сокращен синтаксис внутренней речи и ее фонетическая сто-

рона. При сокращенности синтаксиса опускаются подлежащее и связанные с ним слова, остаются предикаты. Структура внутренней речи в пределе абсолютно предикативна. Фонетическая сторона также почти полностью сокращена, слова понимаются по намерению говорящего произнести их. Наиболее значима семантическая сторона внутренней речи. Слова нагружаются смыслом, образуют агглютинированные единства и являются как бы «сгустками смысла». Отсюда — идиоматичность словесных значений, их непереводаемость на язык внешней речи, понятность только самому говорящему.

Тезис Л.С. Выготского, согласно которому внутренняя речь приходит на смену эгоцентрической речи в позднем дошкольном возрасте, оспорен П.Я. Гальпериным, П.П. Блонским и другими авторами. Они обратили внимание на то, что внутренняя речь необходимо должна предшествовать всякому акту говорения.

Б.Г. Ананьев развил свое представление о природе и структуре внутренней речи, исследуя речь людей, страдающих разными формами ее нарушения (сенсорных и моторных афазиков). Он подчеркнул различие понятий внутренней речи и внутреннего говорения. Им описаны три фазы внутренней речи как механизма подготовки будущей внешней

речи: установка на наречение; внутреннее наречение, в котором присутствуют структуры будущего подлежащего и сказуемого; указательные определения места нареченной мысли в суждении.

С развитием психологической науки и возникновением психолингвистики укрепилось и расширилось представление о внутренней речи как звене скрытой переработки вербальной информации. Согласно А.А. Леонтьеву, внутренняя программа будущей речи складывается из «смысловых вех», соответствующих субъекту, предикату и объекту (1974). По мнению Н.И. Жинкина, при подготовке сообщения не обязательно используются только словесные элементы. Ими могут быть образы, наглядные схемы. Код внутренней речи субъективен, он формируется вместе с общим психическим развитием ребенка (1982).

Внутреннее звено речи может быть рассмотрено не только со стороны его психологической функции, но также и со стороны его материального обеспечения, т.е. мозговых структур, реализующих речь. Факты, свидетельствующие о связи речи с мозговыми структурами, стали накапливаться с XIX века. В 1861 году французский хирург Поль Брока обнаружил во время операции на мозге у одного из своих больных большую кисту в левом полушарии. Этот больной страдал глубоким нарушением речи в форме невозможности ее произнесения. Данный случай оказался не единственным, что позволило Брока сделать заключение, что управление произнесением речи реализуется областью левого полушария в нижней части лобной доли над Сильвиевой бороздой (рис. 3.54).

Несколько позднее врач Вернике выявил локализацию болезни пациентов, страдавших другой формой афазии — потерей смысла их высказываний, трудностями с называнием объектов. У этих больных пораженными оказались области мозга, находящиеся в задней части височной доли (рис.3.54). Кроме названных случаев, в ходе дальнейшего накопления фактов были найдены различные

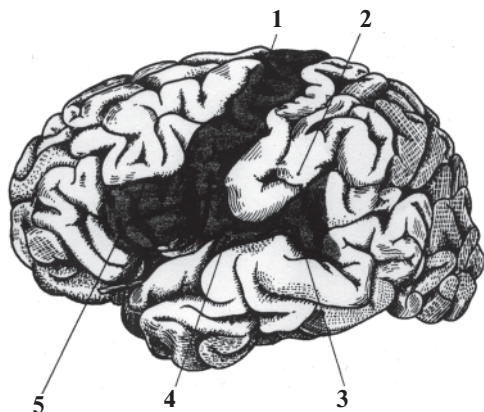


Рис. 3.54. Речевые зоны мозга.

1 — моторная кора, 2 — дугообразный пучок, 3 — зона Вернике, 4 — первичная слуховая кора, 5 — зона Брока.

промежуточные варианты повреждений мозговых структур, соотносимые с различными формами речевых нарушений, афазий. Не все они однозначно указывали на зоны мозга, имеющие отношение к организации управляющих речевых процессов, жизненные случаи оказываются богаче и противоречивее, чем первоначальная схема. Тем не менее даже современные диагностические пробы, связанные с использованием новой техники, указывают на зависимость речевого процесса от активности левого полушария.

Обе названные зоны, именованные по имени их открывателей зоной Брока и зоной Вернике, располагаются в непосредственной близости к так называемой Сильвиевой борозде — расщеплению, отделяющему лобную долю от остального мозга. Существует мнение, что область вокруг Сильвиевой борозды в левом полушарии вся целиком связана с организацией речевого процесса и не разделяется на отдельные функциональные островки (Пинкер, с. 369). Газзанига с сотрудниками разработали технику на основе использования срезов мозга, которая позволила как бы развернуть кору мозга на плоскости. Им удалось показать, что речевые зоны, действительно, примыкают друг к другу, образуя тем самым единый речевой орган мозга.

Большое неврологическое исследование речевых мозговых структур провел в 50-х годах XX в. канадский нейрохирург У. Пенфильд. Он работал на открытом во время операции мозге пациентов. Поскольку мозг не имеет болевых рецепторов, пациенты находились во время операции в сознании, могли общаться с хирургом, отвечать на вопросы, сообщать о своих впечатлениях. Исследователь проводил стимуляцию отдельных точек мозга с помощью слабого импульсного тока и показал сложность возникающих у пациентов субъективных состояний. Они были связаны как с речевыми иллюзорными представлениями, так и зрительными, целостными картинками и т.п.

В настоящее время разработаны новые техники, выявляющие функции мозговых

отделов. Существует, например, техника временного выключения одного из полушарий путем введения соответствующего раствора в каротидную артерию. Тогда оказывается, что при «спящем» правом полушарии пациент может говорить, тогда как при временно отключенном левом полушарии речь невозможна.

Некоторые факты по интересующему вопросу получены при использовании новой техники эмиссионной компьютерной томографии. Эта техника позволяет устанавливать активность частей мозга при выполнении пациентом различных психологических операций. На компьютерной фотографии более активные участки предстают в красных и желтых тонах, незадействованные — в темно-синих. Исследования с помощью этой техники показали, что при речевых операциях горячие области концентрируются на левой стороне мозга.

При всем прогрессе исследовательской техники следует, однако, признать, что существующие в руках исследователей факты часто оказываются неоднозначными, и до сих пор остается вопрос, каким конкретно образом мозговые структуры реализуют разнообразные сложные и тонкие языковые операции, необходимые для правильного владения речью. В общей форме специалисты считают, что нормальная организация речи предполагает совместную, хотя, возможно, и последовательную активность мозговых областей. Так, при восприятии речи звуковые сигналы поступают в первичную слуховую кору и подвергаются обработке в зоне Вернике. Для произнесения требуется задействованность зоны Вернике и включение зоны Брока, где обрабатывается программа артикуляции, передаваемая затем в моторную кору (Гишвинд, 1984).

3.8.4.3. Когнитивные модели речи

Тема внутренней речи явилась ранней предтечей современного когнитивизма в психолингвистике. Основной объект когнитивной психологии — репрезентация знаний и объектов внешнего мира в пси-

хике человека, внутренние структуры и механизмы переработки этих знаний. Когнитивизм возродил и укрепил идею «внутреннего образа», «внутренних механизмов психических процессов», существовавшую в науке и в докогнитивистский период. Для современного этапа характерна работа с так называемыми моделями. Последние представляют собой выраженные в наглядной форме теоретические взгляды исследователей на те или иные явления когнитивной сферы. Основаниями моделей бывают эмпирические данные, наблюдения, эксперимент, а также логические выводы из теорий. Выражаемые в модельной форме теоретические позиции порой могут быть очень сложными, как во многих случаях при описании речевых и речемыслительных процессов и структур. Эта форма нужна для того, чтобы придать такого рода теориям наглядную форму и сделать их «умопостижимыми» для слушателя и читателя. Открываются возможности делать те или иные предсказания, которые нередко дают новое направление исследовательской мысли.

К настоящему времени предложено множество моделей, описывающих речевую действительность. Из зарубежных пользуется известностью модель понимания В. Кинча с сотр. (1979), построенная на основе анализа процессов, включающихся в обработку и понимание текста (см. «Современная психология», с. 287). Модель предлагает правила работы с естественным текстом и действует на материале конкретных текстовых образцов. Таким образом, это — действующая система, что составляет ее большую силу.

Модель продуцирования речи В. Левелта (1989), также рассмотренная нами в «Современной психологии», сильна тем, что описывает конкретные структуры, необходимые для осуществления речевой функции, фактически дает их номенклатуру (там же, с. 289).

В отечественной психолингвистике предложено немало различных модельных форм теоретических взглядов на

процесс речеобразования и понимания речи. Некоторые из такого рода моделей подробно рассмотрены в учебнике (Залевская, 1999, главы 7 и 8, с. 203—263).

Здесь будет представлена в виде примера модель речемыслительного механизма, разработанная в Институте психологии РАН (Ушакова, 1991). В нашем изложении мы отдаем предпочтение данной модели по нескольким основаниям. Во-первых, она описывает единый речевой и речемыслительный механизм, функционирующий как при производстве речи, так и при ее понимании. Это более адекватно действительности в сравнении с отдельными моделями порождения и восприятия речи, как это представлено в учебнике А.А. Залевской. Во-вторых, в модели с опорой на экспериментальные факты, полученные в лаборатории, проработаны функциональные структуры, выполняющие различные речевые и речемыслительные операции. Опора на такого рода структурные основания дает возможность оперировать в большой мере операционализируемыми понятиями, что является важным требованием современной когнитивной психологии, однако далеко не всегда выполняется в научной практике.

Предлагаемая модель ориентирована на ситуацию взаимодействия коммуникантов, каждый из которых имеет следующие основные блоки речевого механизма: восприятие речи (Вс), ее произнесение (Пр) и центральное смыслообразующее звено (Ц) (рис.3.55). Функции блока восприятия и блока произнесения выполняют задачу доставки информации субъекту и выведения ее от субъекта вовне. В центральном звене осуществляются основные смыслообразующие функции и хранение языкового опыта.

Каждый из блоков производит специфические кодовые операции. Звено восприятия при устной коммуникации перерабатывает поступившие из внешнего мира акустические сигналы, переводя их во внутренний мозговой код, специфичный для материи мозга. Акустические сигналы преобразуются в нервные пат-

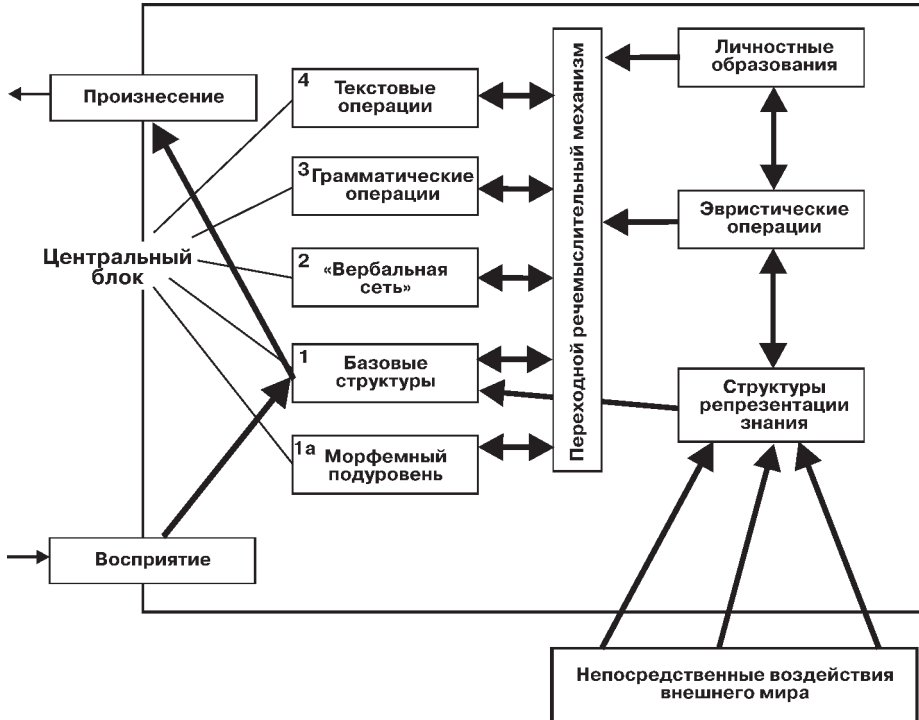


Рис.3.55. Обобщающая модель речеязыкового процесса [Ушакова, 1991].

терны, и решается задача распознавания и дифференцирования одного паттерна от другого. В центральном звене не происходит кодового перехода, используется внутренний мозговой код, который может быть любой природы, поскольку здесь происходит чисто внутренняя переработка информации. В звене произнесения внутренние кодовые команды переводятся в сигналы-команды артикуляторным органам. Параметры этих выходных сигналов строго регламентированы, они определяются закономерностями функционирования артикуляторного аппарата, производящего объективный продукт: звучание, соответствующее нормам используемого языка.

В центральном звене выделяются несколько функциональных уровней. Нижний (1-й уровень) составляют образования, связанные с запечатлением и хранением разных сторон слова: его звучания, значения, соотносительности с вне-

шним миром. Эти образования названы «базовыми» на том основании, что речь воспринимается именно через внешнюю форму слов — их звучание, написание. Произносимая речь также передается словами, поступающими в соответствующей форме в блок произнесения. На рисунке показана связь первого уровня с блоком восприятия и произнесения.

Базовый уровень дополняется его подуровнем, который образуется возникающими из членения слов элементами. Они проявляются в детском словотворчестве. Эти элементы обозначаются лингвистами термином «морфемы». В языках синтетического типа, к которым относится и русский, из них складываются грамматические категории.

Следующий уровень внутренней речи (2-й) составляет система межсловесных («межбазовых») связей, или «вербальная сеть». Этой сетью охватываются все слова

используемого человеком языка, образуя нечто вроде сплошной материи, где различные по семантике и фонетике слова находятся в разной степени взаимной удаленности или близости. Особенности функционирования сети определяют многие речевые проявления: «семантические поля», синонимию, антонимию слов, их податливость к заменам, понимание многозначных слов, словесные ассоциации.

Третий уровень внутреннеречевой иерархии — это грамматические структуры. Динамические процессы на структурах этого уровня обеспечивают грамматическую оформленность порождаемых предложений.

Наконец, на верхнем уровне иерархии происходит управление порождением текстов и их обмена между коммуникантами.

Данная сложная система структур и функциональных образований мозга человека формируется с раннего детства под воздействием многих факторов (требований социума, языка окружающих, внутренних мотивационных факторов субъекта, созревания его мозга). Функционирование этой системы во взрослом возрасте происходит в тесном взаимодействии с другими когнитивными структурами и функциями, прежде всего теми, которые обеспечивают познание и мышление. В правой части схемы на рис. 3.55 представлены структуры такого рода. Люди вербализуют то, что они воспринимают через органы чувств, посредством общения, а также материал мыслительного процесса: условия, гипотезы, результаты решения разнообразных задач. Соответственно в схему включены структуры репрезентации знаний и эвристические операции. Кроме текущих впечатлений и процессов, в речевом продукте находят отражение более общие и стабильные мыслительные и личностные образования: жизненные и научные обобщения, оценки, морально-нравственные позиции.

Протекание процесса обработки информации с использованием описанных структур будет различным в разных условиях коммуникации, при говорении, при

слушании. Во всех случаях, однако, должна происходить активация всех уровней центрального внутреннеречевого звена в координации с желаемой и достигаемой целью, условиями и аудиторией общения, в условиях свободной устной речи или составления письменных текстов и действия многих других факторов.

3.8.4.4. Речь и мышление

Вопрос о связи речи с мышлением в определенном смысле является ключевым в психологии речи. Очевидно, что нормальная речь непременно осмысленна, тем самым неотрывна от мысли, в выражении смысла состоит ее основная функция. Вместе с тем формы связи мысли и слова трудно представимы и даже мистичны: каким образом можно объяснить связь нематериального психического явления, мысли, и звучащего, физически регистрируемого слова?

Для решения данной controверзы предложен богатый спектр суждений. На одном полюсе этого спектра — позиция классического бихевиоризма (мышление — это беззвучная речь), на другом — представление Вюрцбургской школы (мышление и речь имеют разное происхождение и представляют собой различные сущности). Отождествлению речи и мышления или, напротив, их полному размежеванию противостоит представление об их взаимосвязи: как формулировал С.Л. Рубинштейн, между мышлением и речью существует единство, но не тождество. Эта точка зрения, разделяемая многими психологами, требует, однако, дальнейшей конкретизации — необходимо ответить на вопрос, в чем заключается эта взаимосвязь, как мысль воплощается в слове?

Попробуем найти ответы на возникающие вопросы, опираясь, с одной стороны, — на данные современной психологии, описывающей сущность мыслительного процесса, а с другой стороны, на данные о природе речевой семантики, представленные в разделах онтогенеза речи и модели речевого процес-

са (см. соответствующие параграфы раздела).

Мышление в общем случае представляет собой целенаправленный процесс, состоящий в решении задач или выведении умозаключений. Согласно существующим данным, мыслительный процесс включает ряд компонентов (механизмов), которые могут быть различными при решении разных типов задач. Достаточно общими компонентами мышления являются: создание умственных моделей ситуации, включающих условия и цель задачи; взаимодействие поступающей информации с репертуаром знаний и схем, хранящихся в долговременной памяти; манипулирование моделью; выявление результата, отвечающего исходным условиям задачи. В нашем контексте важно отметить, что ход решения задачи, или оперирование умственной моделью, может протекать в различных режимах: логическом, хорошо осознаваемом и подлежащем речевому выражению, а также — интуитивном, при котором субъект мыслительного процесса не осознает и не может описать словами ход своих умственных действий (Я.А. Пономарев).

Приведенное разъяснение показывает, что мышление представляет собой специальную когнитивную функцию, состоящую в создании нового ментального продукта, познания действительности. (По модели, представленной выше, в процессе мышления задействованы когнитивные механизмы правой части схемы.) Ход мыслительного процесса в одних случаях может быть отражен в речи мыслящего субъекта, в других — нет, т.е. он не связан с речью необходимым образом.

Назовем теперь основные компоненты, задействованные в речевом процессе. При порождении речи, как показывают данные речевого онтогенеза, исходным компонентом является семантическое состояние (включающее представление субъекта, возникающие у него модели ситуаций, его эмоциональные переживания), а также мотивирующий импульс к экспрессии, вербализа-

ции данного семантического состояния. Далее актуализируются ранее выработанные связи данного семантического состояния с вербальными структурами и семантическими полями, а также происходит активизация иерархических уровней языковых структур (см. представленную выше модель речевого механизма). На последнем этапе речепорождения включается произносительный артикуляторный механизм и осуществляется говорение.

При понимании речи основными компонентами процесса являются: активизация воспринимающего канала (акустического, зрительного), дешифрующие операции в иерархических языковых структурах и создание ментальной модели ситуации, понимание.

Во всех видах речевого процесса его осуществляют механизмы, представленные преимущественно в левой части схемы (Рис. 3.55).

Сравнение механизмов мыслительных и речевых процессов позволяет выявить различие и пересечение их сфер действия. Обратим внимание на то, что в речевом процессе — при продуцировании речи и ее восприятии — в начале или конце процесса необходимо наличие важнейшего семантического компонента, для которого адекватен термин *понимание*. В его механизменной интерпретации данный компонент может быть квалифицирован как наличие модели действительности (ситуации) в когнитивной сфере субъекта. Этот семантический компонент необходим для того, чтобы произносимая речь была полноценной, осмысленной, и чтобы она была понятой слушателем.

Такого же типа семантический компонент — понимание, наличие модели действительности (ситуации) — необходим, как показано выше, и в мыслительном процессе. Таким образом, мы можем заключить, что пересечение речи и мышления происходит на данной общей точке, семантическом компоненте, понимании элементов действительности. Для мыслительного процесса этот компонент служит материалом для осуществления необхо-

димых манипулятивных операций; для речевого процесса — стартовой площадкой для вербализации, словесных описаний. Специфика речевого процесса и его основная функция — создание вербального продукта, адекватного ментальному семантическому содержанию, и его экстернизация. Именно поэтому речь может быть включена в любой когнитивный процесс, содержащий такого рода семантический компонент. Таким когнитивным процессом может быть не только мышление, но и восприятие, эмоциональное переживание.

Наш анализ соотношения речевых и мыслительных процессов представил речь как некую многовалентную сущность, что допускает ее включение в разного вида когнитивные функции. Однако свойством многовалентности обладает также и мышление. Мыслительные процессы возможны в логической форме, на материале зрительных, слуховых и других перцептивных сигналов. Что особенно важно в нашем контексте, возможно мышление и на вербальном материале.

Известны формы продуманной, умной речи, учитывающей собеседника, аудиторию, соблюдающей принятые нормы в соотношении говорения и выслушивания и т. п., а в итоге — приводящей к желательным для говорящего результатам. (Сфера такого рода норм и приемов рассматривается обычно под рубрикой речевого искусства.) Умная речь — результат создания говорящим, предварительно или оперативно, умственной модели ситуации общения, учет ответной реакции слушателя, нахождение адекватных ответных форм, привлечение соответственного речевого репертуара и др. Названные операции являются мыслительными по своему существу, что свидетельствует о принципиальной возможности включения мышления непосредственно в организацию речевого общения. Не забудем при этом, однако, что существуют и ситуации глупой речи, где говорящие — часто в ситуации стресса, в споре или ссоре — говорят

импульсивно, упуская из вида важные стороны ситуации, собеседника и т. п.

Еще одним случаем речевого мышления можно считать процесс литературного творчества. Известно, что этот процесс связан с обдумыванием литературных текстов, будь то прозаическое или поэтическое произведение. Правда, непосредственный момент создания стихов мало исследован в психологическом плане, и существует идея, что он происходит независимо от мыслительного процесса, в известном смысле мистическим образом, как бы дается свыше (см. у Пушкина, Ахматовой). Тем не менее существует бесспорный факт работы литераторов с черновиками, а он уж, несомненно, свидетельствует об обдумывании первоначально не полностью готового произведения.

3.8.4.5. Речевой онтогенез

В начале XX столетия появилось значительное количество публикаций в нашей стране и за рубежом, где описывались факты речевого онтогенеза (Н.А.Рыбников, А.Н.Гвоздев, К.Бюлер, К. и В.Штерны и мн. др.). Вклад в эту литературу внесли не только ученые — психологи и лингвисты, — но и люди других специальностей, интересующиеся родителем, воспитателями, детские писатели. В результате разностороннего сбора материала ход речевого онтогенеза относительно давно оказался хорошо изученным с фактической точки зрения.

В настоящее время исследования приобрели еще больший масштаб. В некоторых странах работают соединенные коллективы исследователей, получающие материалы на огромных выборках детей. Усилия направляются на то, чтобы определить возрастные и индивидуальные нормы формирования разных сторон речевой способности ребенка; рассматриваются данные усвоения детьми языков разного типа (кросс-лингвистические исследования), выявляются формы существующих отклонений.

Наряду со сбором эмпирического

материала работают постоянные семинары и конгрессы, решающие задачу аккумуляции знаний, их анализа, разработки адекватных теоретических представлений. Издаются специализированные журналы: *Journal of Child Language*, *Journal of Child Development*, *Child Development*, *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, *International Psycholinguistics* и нек. др.

Основные факты речевого развития, как и их теоретическое понимание, будут представлены здесь в двух разделах, относящихся к: а) раннему периоду жизни, от рождения до года, и б) от года до школьного возраста, до 7 лет. Эти периоды разделены потому, что обычно в районе года (возможно и раньше, но чаще позднее) в развитии малышей, в том числе речевом, происходят важные изменения, в результате которых возникают качественно новые особенности в их психической, и в частности речевой деятельности. Время перехода к речевому периоду неодинаково у разных вполне нормальных и здоровых детей. Поэтому при разделении указанных периодов важен не конкретный календарный момент, а качественные особенности развития, проявление новых форм психологического функционирования.

Ранний речевой онтогенез (от рождения до года)

Данный отрезок онтогенеза — от 0 до 12—14 мес. — обычно квалифицируется как предречевой, или дословесный. По его завершении у нормально развивающегося ребенка, как правило, появляются первые слова. Для описания данного периода (сенсо-моторного интеллекта, по Ж. Пиаже) удобно выделять в нем стадии, появление каждой из них связано с возникновением новых психологических возможностей младенца. В последующем изложении на каждой стадии будут выделены три основные линии младенческого развития: а) двигательные проявления, б) формы общения, в) вокализации. Возрастные границы между стадиями, повторим, приблизительно и индивидуально вариативны.

На 1-й стадии (1-й месяц жизни ребенка) в поведении новорожденного преобладают природные рефлексы, и развитие идет за счет медленных пошаговых приспособлений простых рефлексов к условиям внешней среды.

Однако очень рано новорожденный обнаруживает зачаточные формы общения с близкими. Так, присутствие матери уже в первую неделю жизни малыша оказывает успокоительное действие (Ляксо, 1997). На 2-й неделе ласковое голосовое обращение к ребенку, тактильный контакт с ним начинают вызывать реакцию сосредоточения и замирания (Лисина, 1997).

Первые голосовые реакции ребенка совершенно отчетливы. Появление на свет в норме сопровождается криком новорожденного, и первые месяцы жизни здоровые дети плачут достаточно много. Крик и плач новорожденных являются биологически полезной функцией, помогающей окружающим понимать неблагоприятные для новорожденного ситуации и устранять их. У начальных голосовых проявлений новорожденных существует сугубо психологическая функция, которая состоит в том, что с их помощью выражаются субъективные состояния малыша. На 1-м месяце жизни с помощью крика и плача ребенок выражает свои негативные недифференцированные состояния. В результате постепенного развития общих психофизиологических механизмов голосовые явления позднее оказываются способными выражать состояния позитивного знака, а затем при нормальном развитии ребенка превратятся в дальнейшем в его речь.

На 2-й стадии (обычно 2—4-й месяцы жизни) природные рефлексы под влиянием опыта и повторений преобразуются, возникают первые простые двигательные навыки. Механизмом возникновения новых возможностей Пиаже считает так называемые циркулярные реакции. Они состоят в том, что, совершив некоторую реакцию (порой случайно), младенец затем многократно повторяет ее. Вследствие повторения реакция закрепляется,

образуя прочную схему, и таким образом создается новая поведенческая форма. Первые случаи циркулярной реакции обычно сосредоточены на теле ребенка — это так называемые первичные циркулярные реакции. Типичным примером могут служить акты, предвещающие схватывание: ребенок поскребывает предмет, привлекая его внимание, пытается его схватить, отпускает и снова повторяет последовательность: скребет, схватывает, отпускает. Такие последовательности повторяются многократно, в результате чего малыш научается более или менее ловко удерживать предметы в руках.

Формы общения младенца со старшими на данной стадии становятся более явными, расширяется сфера их проявлений. На 2—3-м месяцах жизни появляется так называемый комплекс оживления (Н.М. Щелованов). Ребенок реагирует на приближение взрослого радостным возбуждением — на лице у него появляется улыбка, моторика тела усиливается, возникают неоформленные вокализации.

Характерным феноменом в области общения становятся циркулярные формы — повторяющиеся проявления одних и тех же реакций. Замечено, что матери интуитивно улавливают циркулярность действий малышшей. По данным западных исследований (E. Goldfield, 1995, C. Trevarthen & P. Hubley, 1978), большинство игр, которые используют матери со своими малышами в это время, включают ритмические повторения воздействий на них, вызывающие повторяющиеся ответные реакции детей.

Изменения наблюдаются и в голосовых проявлениях младенца. В 2—4 месяца появляются так называемые первичные вокализации, известные как гуление, переходящее позднее в лепет (в англоязычной терминологии и то и другое обозначается словами *babble*, *babbling*). Первичные вокализации имеют спонтанный характер, проявляются у ребенка в состоянии спокойного бодрствования. На слух они воспринимаются как гласноподобные звуки, близкие к нейтральным гласным взрослых.

Эти проявления, очевидно, имеют чисто биологические основания, поскольку по всему миру дети гулят практически одинаково, независимо от языкового окружения. Гулят и лепечут дети как нормально слышащие, так и глухие от рождения.

Гуление — это первичная циркулярная форма голосовой активности малыша. Она свидетельствует о «пробуждении» и постепенном нарастании через повторение латентных двигательных программ.

На 3-й стадии развития (приблизительно 5—8-месячный возраст) циркулярные реакции переходят во вторичную форму. Это понятие относится к более развитым поведенческим формам. Важным приобретением 3-й стадии становится возникновение первых форм преднамеренности. Она проявляется в нацеленности ребенка на объект, наличии промежуточных действий, служащих средством достижения цели, в произвольном приспособлении к новой ситуации.

Общение малыша с окружающими обнаруживает тенденцию к расширению своей сферы и появлению реакций, которые могут быть сближены с преднамеренными.

В голосовых проявлениях младенца рассматриваемого возраста сохраняются крик и плач, гуление переходит в форму, которую можно квалифицировать как лепетную. Особенность лепета в его зрелой форме составляет наличие в вокализациях слоговых элементов и неоднократное повторение малышом одного и того же или сходных слогов, например, *та-та-та*, *на-на*, *ма-ба-ба* и т.п. Лепет также можно рассматривать как форму развитой (вторичной) циркулярной реакции, включающей элементы произвольного управления со стороны ребенка.

Для 4-й стадии (около 9—12 мес.) становится характерным отчетливое проявление преднамеренных форм двигательного поведения. Достаточно обычно теперь для ребенка достигать поставленной цели путем преодоления препятствия на своем пути.

В общении младенцев рассматриваемого возраста с окружающими возникают и развиваются так называемые конвенциональные, или условленные, формы общения (Э. Бейтс, 1984). Младенец обращается к взрослому в поисках помощи, подает побудительные сигналы — хнычет, выражает беспокойство и т.п. Такого рода коммуникативные сигналы становятся затем постоянными и понимаемыми общающимися сторонами, т.е. конвенциализируются. Их внешнее выражение приобретает черты лаконичности, они как бы только намекают на желательное действие.

Голосовые проявления ребенка на данной стадии развития включают плач и крик в ответ на неприятные воздействия, а в эмоционально нейтральной и позитивной ситуации — гуление и лепет. Дополнительно к этим феноменам обнаруживается значимое для речевого развития явление произвольной, хотя и неформальной вокализации — «младенческого разговора-пения». Оно состоит в том, что малыш производит вокализации различной аффективной окраски. «Младенческое пение» завершает формирование дословесного «коммуникативного каркаса» у маленьких детей: оказывается сформированной способностью выразить в конвенциональной форме свои желания в ситуации общения, побудить окружающих к их исполнению, использовать для этого произвольно управляемые голосовые сигналы. Однако сами голосовые сигналы остаются еще неформальными, «дословесными». И вот на излете этого этапа психического развития обычно возникают первые детские слова. Эти слова чрезвычайно специфичны, часто мало похожи на соответствующие слова окружающих как по звучанию, так особенно и по значению (Е. Кларк, 1984). И все же взрослые отличают их появление, отмечают их значимость для успешного психического развития ребенка.

Как же совершается этот таинственный переход к слову в жизни каждого здорового ребенка?

Механизмы речевого развития младенца первого года жизни

Способностью голосового выражения своих субъективных психологических состояний ребенок снабжен от рождения, что проявляется, как уже отмечалось, с момента его появления на свет. Крик и плач — инструмент выразительности. В момент рождения ребенка этот инструмент примитивен и имеет ограниченную сферу действия, отражая только негативные эмоциональные состояния новорожденного. Однако этот механизм необычайно важен по центральному заложенному в нем принципу: осуществлению связи «психическое состояние — голос» (т.е. связи психического и физиологического).

Ко 2—3 месяцу жизни ребенка указанный механизм связи психического состояния с голосом под влиянием фактора циркулярности реакций укрепляется и переходит на следующую ступень: голосовые реакции включаются, когда малыш находится в спокойном состоянии. Эти реакции проявляются в гулении, протекающем автоматически, произвольно. Следующая ступень связана с дальнейшим развитием циркулярной реакции, возникновением ее вторичных форм и включением элементов произвольности в ее протекание. Здесь появляется детский лепет (4—8 мес.), служащий важным способом отработки артикуляционных навыков младенца. К 8—10 месяцам формируется «младенческий разговор-пение», с помощью которого ребенок активно, хотя еще и дословесным способом, произвольно выражает в общении уже относительно разнообразное содержание своего сознания. «Младенческий разговор-пение» оказывает влияние на процесс возникновения первых детских слов: оно поддерживает активность голосового элемента в функционировании познавательных процессов ребенка и содействует выделению им речевых сигналов в речи окружающих людей (Ушакова, 1999).

В анализе дословесного развития младенца естественно встает вопрос: в

чем состоит побудительная сила, «тол-кач» того механизма, который осуществляет голосовую активность? Ответ на этот вопрос дает гипотеза, согласно которой мозг человека, подобно всякому другому органу человеческого организма (сердцу, легким, почкам и др.) работает по принципу «взять-отдать». Это значит, что поступающие в мозг впечатления, сенсорные сигналы, вызывают тенденцию адекватной ответной реакции, реагирования движением. Голосовое реагирование, богатое разнообразными возможностями и активное от рождения, является удобной формой такого рода реагирования. В своей начальной форме это, таким образом, есть, по сути, общий принцип рефлекса. В речевой области он становится основой как бы внутренней активности речи, ее интенциональной направленности, постоянно проявляющейся в более зрелом возрасте.

Необходимо также отметить, что в определенной временной точке дословесного развития становится специфически значимым фактор речевого общения окружающих с младенцем. Это тот момент, когда малыш оказывается способным воспринимать звуко-речевые образцы для имитации, а тем самым и для перенятия используемого вокруг языка.

В изложенных фактах проступают контуры ответа на фундаментальный вопрос о путях связывания психических и физиологических реакций в речевом функционировании.

Речевое развитие от года до школьного возраста (1 — 7 лет)

Обычно к концу первого — началу второго года жизни ребенка на фоне его продолжающегося лепета и младенческого пения у него появляются звукокомплексы, которые квалифицируются окружающими как первые **детские слова**. По своему звуковому оформлению они могут быть близкими лепетным звукокомплексам (типа *ма-ма, па-па*), и получили название «нянечных слов». Их звучание оказывается сходным у детей всего мира. Принципиальное

отличие первых слов от лепета — в их «осмысленности», отмечаемой окружающими. Эта «осмысленность» довольно трудно поддается объективному определению. Первые детские слова обычно не имеют прямых референтов, т.е. не называют конкретные предметы или явления мира. Их семантика весьма своеобразна, вследствие чего их квалифицируют порой как однословные предложения. Это своеобразие состоит в том, что одним словом малыш обозначает целую ситуацию, причем одно и то же слово может относиться ко многим ситуациям.

К возрасту в 2 года словарь малышей порой насчитывает до 25 слов. В дальнейшем происходит его быстрый рост. Словарь 6-летних детей доходит в среднем уже до 15 000, а к возрасту в 10—12 лет практически сравнивается по объему с житейским словарем окружающих.

В возрасте от полутора до двух с половиной лет при нормальном темпе развития происходит важный сдвиг в речевых проявлениях малышей — они начинают использовать соединение слов, появляются двусловные предложения. Эти предложения часто имеют телеграфный стиль, т.е. грамматически не оформлены. Их семантическая направленность — на указание местоположения объекта, описание событий, действий и др. Например: *Тося там, мама пруда (ушла), папа бай-бай (спит), еще моко (молока)* и т. п. Дальнейшее развитие двусловных предложений связано с употреблением грамматических форм. В русском языке, представляющем собой по лингвистическому определению язык синтетического типа, это связано с появлением так называемых флексий, т.е. изменением грамматической формы слов при их сочетании. Например: *Моко (молоко) кипит. Мама хорошая. Папа большой*. Это достаточно знаменательный момент речевого развития, обнаруживающий формирование грамматики в языке ребенка.

С этим моментом связано появление так называемого **детского словотворчества**, которое наблюдается обычно с 2,5 — 3-х лет вплоть до школьного воз-

раста. Термином «детское словотворчество» обозначается широко распространенное (а возможно, и всегда существующее в скрытом виде) явление детской речи. Оно состоит в том, что в ходе повседневного общения или игры малыши спонтанно включают в свою речь слова такой структуры, какая не используется в языке окружающих и тем самым не может быть имитационно усвоена ребенком. Это — особые, «изобретенные», слова (**неологизмы**). По своей семантике они понятны и уместны в употреблении. Например: *брос* (то, что брошено), *кат* (действие катания), *пургинки* (частицы пурги), *умность* (качество ума), *сгибчивая* (береза), *я взяю* (возьму), *долгее* (дольше), *стотая* (сотая), *саморубка* (мясорубка) и мн. др. (Т.Н. Ушакова, 1979; К.И. Чуковский, 1966).

Существует еще один феномен детской речи периода 3-7 лет, получивший довольно широкое освещение в научной литературе и впервые описанный Ж.Пиаже под названием **эгоцентрическая речь** (Ж. Пиаже, 1997). В этом феномене проявляются особенности коммуникативной стороны детской речи, состоящие в том, что дети указанного возраста в некоторых ситуациях (играя, рисуя и т.п.) не обнаруживают нужды иметь собеседника, когда они говорят. Ребенок говорит, ни к кому не обращаясь, сам для себя, как бы думает вслух. По Пиаже, в возрасте 3-4 года доля эгоцентрической речи (коэффициент эгоцентричности) составляет более 40%, затем эта речь постепенно угасает, практически исчезая к школьному возрасту.

Развитие речи, конечно, продолжается в школе (а в каком-то смысле и всю жизнь человека). В связи с обучением чтению и письму собственная речь становится объектом анализа ребенка, что придает ей новый рефлекслируемый характер. При обучении дети усваивают новые понятия и связанные с ними слова и термины. Начинают осмысленно употребляться такие слова, как *причина*, *время* и т.п. Вместе с расширением сферы общения ребенок развивает свою спо-

собность использовать речь для установления и поддержания социальных отношений, т.е. развивается прагматический аспект его языка. Чрезвычайно важно то, что дети научаются читать, понимать, а позднее и создавать речевые описания, воссоздающие события. Это становится основой для их приобщения к широкому кругу знаний, представленных в книгах, т.е., по сути, — ко всей человеческой культуре. Понятно, таким образом, что развитие речи и языка в школьном возрасте представляет собой важнейшую реальность, которая, однако, не будет здесь специально рассматриваться.

Механизмы речевого развития в возрасте 1–7 лет

Мы видели, что граница первого и второго годов является в известной мере рубежной (при близком к обычному ходу развития ребенка). Появление первых слов демонстрирует этот рубеж. На этой границе обнаруживается двучленность, двухэлементность речевых механизмов, как это отмечено Соссюром (см. выше). Элемент одного типа — семантическая составляющая, элемент другого типа — артикуляторно-звуковая составляющая.

Семантическая составляющая в пределах первого года представлена психическими состояниями негативного или позитивного знака, отражаемыми в диффузных вокализациях. Позднее, при появлении первых слов, она трансформируется в семантические состояния, соответствующие своему словесному выражению и образующие его значение. Семантическое состояние, связанное с первыми детскими словами, заметно отличается от такового у взрослого носителя языка. Его особенности состоят в диффузности, отсутствии референтной направленности (т.е. оно не указывает на конкретный объект мира), индивидуальном своеобразии у каждого малыша.

Значительные изменения в семантической составляющей происходят на протяжении всего дошкольного детства. В ряде исследований показано, что эти изменения определяются ходом когнитив-

ного развития младенца, которое является первичным по отношению к формированию грамматических форм (Слобин, 1973; Брунер, 1975). В определенной последовательности — от наиболее простых и наглядных случаев — ребенок усваивает семантические отношения в их категориальном обобщении: категории местоположения объекта, действия; агента, совершающего действие, его объекта и др. Подобные семантические отношения ребенок начинает выражать раньше, чем у него появляются адекватные языковые формы. Например, локативные понятия (местоположение предмета), возникающие раньше других, во многих языках дети обозначают «обходным путем»: используя порой вспомогательные слова (типа *там*) или соединение неформальных слов: *кастрюля плита* (вместо *кастрюля на плите*) и т.п. Вновь возникающее семантическое содержание обнаруживает свою первичность по сравнению с языковой формой, поскольку сначала выражается старым способом, новые формы постепенно вводятся в употребление.

Еще одна важная линия развития семантики состоит в придании наименований новым встречаемым предметам, а также уточнение, дифференцирование сферы применения усваиваемых слов. Эта сторона семантического развития идет путем постепенного и длительного накопления заимствований и поправок от социума, не заканчиваясь, по сути, в детском возрасте, а продолжаясь порой всю жизнь индивида.

Свою линию развития проходит артикуляторно-звуковая составляющая речевого механизма. С появлением первых имитированных слов происходит активное уточнение артикуляторной регуляции, дифференцирование способа произнесения накапливаемых слов. Здесь довольно существенна роль взрослых, дающих поправки малышам.

Другая линия развития словопроизнесения — появление детского словотворчества, упомянутого выше. Исследования показали, что строение детских неологизмов отражает важные процессы, происхо-

дящие в скрытых словесных структурах мозга ребенка (Ушакова, 1979). Словесные структуры с общими, повторяющимися элементами взаимодействуют между собой, в результате чего происходит анализ, дробление первоначально нерасчлененных психофизиологических единиц. В результате вычлняются и консолидируются такие части словесных структур, которые по лингвистической терминологии являются корнями и аффиксами слов. Эти элементы необходимы для формирования обобщающих категориальных словесных структур (парадигм словоизменения и словообразования). На материале этих элементов в мозгу младенца независимо от его сознания и воли начинают закладываться основы той громадной системы, которая впоследствии образует грамматику языка.

Возникновение названных элементов создает также принципиально новую возможность для процесса создания из них новых слов, что и обнаруживается в детском словотворчестве. Такого рода продуцирование новых слов открывает для младенца особый путь овладения языком — его не столько имитирование вслед за окружающими, сколько изобретение в соответствии с законами, заложенными в структуре действующего языка. Таким образом, через детское словотворчество открывается крупный фактор речевого развития на рассматриваемом этапе: внутренняя спонтанная активность в отношении воспринимаемого извне речевого материала. Эта активность обусловлена, с одной стороны, особенностями функционирования мозга ребенка, а с другой — возможностями, предоставляемыми организацией усваиваемого языка.

Тот же фактор спонтанной активности обнаруживается в явлении эгоцентрической речи. Однако здесь этот фактор действует в ином аспекте. Эгоцентрическая речь — это проявление внутренней мотивированности речевого процесса в целом. Ребенок говорит эгоцентрически потому, что в нем действует побудительная сила, интенция говорить, даже если его не слушают. Саму же эту интенцию

можно рассматривать как действие того принципа «экстериоризации» внутренних состояний, который был описан выше. Значение интенциональной направленности развивающейся детской речи постоянно подчеркивается исследователями (Бейтс, 1984; Слобин, 1984).

Подведем итоги. Факты, характеризующие раннюю детскую речь, открывают многие стороны скрытых причин и механизмов ее развития. Первое, что привлекает внимание, — этап начального спонтанного развития, строящийся преимущественно на тех ресурсах, с которыми новорожденный является на свет. Общие механизмы развертывания генетической программы по одинаковым правилам покрывают здесь проявления различных сфер: двигательной, коммуникативной, вокальной. Этот, так называемый предречевой этап формирует необходимую базу для восприятия последующих собственно языковых влияний со стороны окружающих.

Другая примечательная сторона развития детской речи состоит в том, что по форме оно происходит как усвоение языка, на котором говорят окружающие люди. По западной терминологии, осуществляется «приобретение языка» (language acquisition). Однако по своим внутренним механизмам процесс усвоения языка идет с активным и разносторонним включением внутренних сил развивающейся психики ребенка.

Изменения, происходящие на протяжении дошкольного детства в элементах речевого механизма оказываются независимыми от произвольных усилий и сознания малыша и в норме с не столь уж многими управляющими воздействиями со стороны окружающих. Это означает, что усвоение основных элементов действующего языка (его лексики и грамматики) происходит при активном действии спонтанных внутренних сил нервной системы ребенка и при пассивном предоставлении языковых данных со стороны окружающих носителей языка.

Исследование внутренних механиз-

мов развития детской речи оказывается важным для понимания природы этого процесса и возможности оказания помощи в случае отклонений от его нормального течения. Такого рода исследование открывает особенности речевого функционирования не только на протяжении детского возраста, но и в развитом свободно говорящем индивиде.

3.8.5. Практические приложения

До сих пор мы рассматривали исследования, имеющие теоретическую направленность на понимание природы явления. Эти исследования квалифицируются как фундаментальные, т.е. относящиеся к основам науки. Наряду с ними существует прикладная психолингвистика. Она занимается проблемами, связанными с функционированием речи в практической жизни людей, изучает речевое общение в личностной сфере человека и его профессиональной деятельности, включая деятельность научную.

Область прикладной психолингвистики широка и разнообразна. Это связано с тем, что речь вплетена во всю жизнедеятельность человека, включена в подавляющую часть его социальных и личностных контактов.

Потребность в научных психологических знаниях наблюдается во многих практических ситуациях. Отметим в них два полюса. На одном из них решается задача достижения человеком максимально высокого уровня использования речи, владения речевым искусством с целью оказания эффективного влияния на людей. Такая задача стоит, например, в профессиональной деятельности специалистов, работающих в области так наз. «паблик релейшенз» (человеческих отношений). К этой области относится по сути вся политическая и управленческая деятельность в государстве. Владение речевым искусством полезно и во многих других профессиях: преподавательских, воспитательных, медицинских.

На другом полюсе находятся ситуации, связанные с задачей компенсации

речевых дефектов разного происхождения, возникших у людей в результате болезней, несчастных случаев, генетических отклонений. Эти дефекты или недоразвития могут иметь разную степень выраженности и глубины. Задача психологической помощи состоит в том, чтобы поднять речевую функцию до такого уровня, который позволяет субъекту приспособиться к нормальной социальной жизни. Здесь оказываются важными мероприятия по своевременной и правильной постановке диагноза, выбору оптимального пути для преодоления дефекта. Вот почему данное направление тесно связано с речевой психодиагностикой.

Еще одной областью прикладной психолингвистики можно считать использование знаний о речи, языке и коммуникации в практических научных целях. Практика психологической науки предполагает умение исследователя организовать эксперимент, осуществить различного рода измерения речевой функции. Это означает владение экспериментальными методиками. Речевые методики, используемые в исследовательской практике, во многих случаях сходны с теми пробами, которые применяются при речевой диагностике.

Речевое искусство. Практическая риторика

Слово обладает действенной силой. С помощью речи можно управлять людьми и достигать желаемых целей. Слово может, наоборот, нанести вред говорящему, вызвать к нему недоверие, неуважение. Практическая действенность речи ставит задачу понимания и управления этой способностью. Не удивительно поэтому, что уже с древности люди заинтересовались проблемами красноречия, в связи с чем возникла античная риторика.

Интерес к этой области возрождается в наши дни. Ведется работа, связанная с организацией учреждений по воспитанию и поддержанию культуры речевого общения и коммуникации. В США

с 1914 г. действует Американская ассоциация академических преподавателей публичной речи. Студентам колледжей предлагаются курсы развития навыков правильной речи, умения общаться с людьми разного статуса, возраста, положения. Считается, что владение правильной речью — предпосылка успеха в любой сфере деятельности. В Японии разработаны и практикуются школьные курсы по говорению, слушанию, чтению и письму. В последнее время и в нашей стране действуют различные тренинги и курсы для развития навыков публичных выступлений, деловых переговоров, разрешений конфликтов.

Что нового предлагает современная риторика по сравнению с древней?

Старая риторика большое внимание уделяла логической выстроенности речи, убедительности аргументации и адресовалась прежде всего публичным выступлениям ораторов. Психологические данные и практика наших дней показывают недостаточность такого подхода. Речь не может оцениваться лишь с одной стороны — в плане аргументированности, логичности, т.е. как некоторое одномерное явление. Ситуация речевого общения представляет сложное системное образование со многими входящими в него элементами. Чем больше сторон этого явления скоординировано и гармонично согласовано, тем успешнее его результат. Аргументация — лишь одна сторона этой деятельности. Анализом различных сторон речевой коммуникации и их координации занимается современная риторика, которая называется также речевым искусством.

Особенность нового подхода составляет также кардинальный поворот к коммуникативной стороне речи. Взаимодействию людей в разговоре и общении придается первостепенное значение. Современная риторика рассматривает разные ситуации взаимодействия коммуникантов: непосредственное, при разговоре «лицом к лицу», или опосредованное при выступлении по телевидению или радио. Отрабатываются пред-

ставления о том, как люди воздействуют в процессе коммуникации друг на друга и добиваются исполнения тех желаний, которые они прямо или косвенно выражают. Рассматриваются способы организации диалогов, полилогов, анализируются речевые роли собеседников, тактики их речевого поведения, активные или пассивные позиции в разговоре. Разрабатываются также техники манипулирования собеседником: его запугивание, увещивание, введение в заблуждение, приманивание, лесть, эмоциональные призывы и т.п. Показано, что при использовании рационального убеждения важно учитывать ответные действия собеседника или оппонента. Полезно продумывать возможные контраргументы, критику предполагаемых возражений, приемы логической и эмоциональной борьбы.

Предметом интереса современной риторики становятся не только трибунные речи, но и широкий спектр форм коммуникации: общение хорошо знакомых людей в свободной обстановке, взаимодействие небольших групп в официальной ситуации, публичные выступления на митингах, многолюдных собраниях, участие в теле- и радиопередачах «на весь мир». Каждому из названных видов ситуации общения присущ свой тип речевого и общего поведения — и их нельзя путать.

Интересные наблюдения о характере обращения с большими массами людей приводятся в книге С. Московичи «Век толп» (1996). Автор отмечает, что толпе присуща особая психология. Бесплезно говорить с ней на языке логики. Если вы хотите добиться ее понимания, нужно помнить об особенностях ее восприятия: безразличии к противоречию, чувствительности к «жизненности» предлагаемых идей, необходимости их многократного повторения.

Безразличие к противоречию возникает из-за того, что толпа мыслит не по законам разума. Ее мышление «автоматическое», наполненное стереотипными ассоциациями и клише, она легко при-

нимает и смешивает несовместимые позиции и мнения. «Масса может перейти от сегодня к завтра, от одного мнения к диаметрально противоположному, даже не заметив этого или, заметив, не попытаться это исправить».

Жизненность проявляется в том, что толпа реагирует на то, что вызывает ее непосредственный интерес, пробуждает близкие каждому воспоминания и образы. Такие образы не доказывают, а захватывают. «Если вы слушаете речь, перегруженную цифрами и статистическими данными, вы заскучаете и затруднитесь понять, в чем же вас хотели убедить. Несколько колоритных образов, ярких аналогий или же фильм, комикс гораздо сильнее действуют на воображение и получают эмоциональный отклик».

Повторяемость превращает идею-понятие в идею-действие. В местах, где люди собираются, — на площадях, стадионах, улицах — они не могут рассуждать, а только подвергаются внушающим воздействиям. Идеи здесь должны упроститься, факты сгуститься, принять образную форму. Они воздействуют на глубинные мотивы человеческого поведения и автоматически его запускают.

Конечно, ситуация общения с толпой — это особый случай.

К счастью, общение между людьми не исчерпывается взаимодействием массового характера. При деловом общении люди продуктивно рассматривают факты и логическую аргументацию, с близкими и друзьями опираются на доверительные отношения. При всем разнообразии ситуаций общения все они имеют общие принципы организации. Практическая риторика занимается их выявлением и описанием.

Дефекты и недоразвитие речевой функции

Нарушения могут происходить в любом звене речевого механизма: произносительном, воспринимающем, смысловом.

Распространенным произносительным дефектом является заикание. Порой оно имеет тяжелые формы и дос-

твляает страдание заикающемуся человеку, накладывая отпечаток на всю его жизнь. Более легкие дефекты проявляются в форме несовершенства произнесения отдельных звуков или их сочетаний. Произносительные дефекты речи в большинстве случаев поддаются коррекции, хотя нередко требуют от человека упорной работы под руководством специалиста — психолога, логопеда.

Отклонения в восприятии устной речи связаны с нарушением слухового анализатора, причем как в его периферической, так и центральной части. Изменения восприятия речевых звуков может проявляться в полной глухоте, разной степени снижении чувствительности ко всем речевым звукам или к отдельным звукам.

Нарушения смыслового звена речи обычно наступают в результате повреждения мозговых речевых зон, что может происходить из-за мозговых травм разной этиологии — нарушения мозгового кровообращения, механических воздействий. Возникающая полная или частичная потеря речи называется афазией. Существуют различные ее формы: моторная — человек испытывает трудности в произнесении слов; сенсорная — человек не понимает устную речь или написанные слова; синтаксическая — больной не может соединять слова или не понимает фразы; амнестическая — затруднения в назывании предметов; глобальная, представляющая сочетание различных форм.

Дифференцированная диагностика афазии не проста и требует последовательного выявления факторов, вызывающих болезнь. Состояние фонематического слуха оказывается ведущим при сенсорной афазии. При ее акустико-амнестической форме важны показатели объема восприятия, состояния вербальной памяти. Моторная афазия требует выявления состояния артикуляторного аппарата, а также способности переключения с одного речевого элемента на другой — со звука на звук при построении слова, со слова на слово при произнесении предложения. Такого рода диагностика является прерогативой спе-

циалиста — нейропсихолога и врача-невропатолога (Цветкова, 1985).

Нарушения речи разного характера обнаруживаются в ходе онтогенеза детей, имеющих отягченную наследственность, патологию внутриутробного развития или травму во время рождения. Основной формой речевых отклонений бывают задержки развития разной степени глубины и проявления.

Исследование и коррекция речевых нарушений в детском возрасте представляет хорошо разработанную область. В нее включено значительное число логопедов-практиков и исследовательские коллективы, например Институт коррекционной педагогики РАО в Москве. Существуют методические пособия для специалистов, позволяющие грамотно проводить диагностику при обследовании речи детей (Филичева и др., 1989, Власенко, Чиркина, 1992).

Отличительная особенность такого обследования состоит в том, что оно имеет всесторонний характер. Разные стороны речи становятся объектом исследования. Предлагаются пробы для того, чтобы характеризовать возможность ребенка воспринимать и произносить речевые звуки. Разработаны приемы выявления понимания обращенной к ребенку речи. Определяется объем пассивного и активного словаря, сформированность грамматического строя, навыки владения связной речью.

Эти пробы просты в употреблении и при необходимости могут быть использованы неспециалистами. Они не отличаются специфичностью — их можно использовать как для выявления речевых нарушений, так и применительно к нормально развивающимся детям. В первом случае, однако, существуют свои особенности. Если у ребенка уже при беглом обследовании обнаруживаются отклонения от нормы, дальнейшая работа по более углубленному выявлению дефекта и его коррекции должна выполняться специалистом — психологом или логопедом. Речевые патологии требуют помощи специалистов разного про-

филя: медиков, педагогов, психологов. Психологи, как правило, включаются в постановку дифференцированного диагноза, при котором принимаются во внимание общие теоретические представления о природе и психологических механизмах наблюдаемого дефекта, а также в разработку плана и средств коррекции дефекта.

Научная практика. Исследовательские методики

Тема исследовательских методик является кардинальной в каждой научной области, она тесно связана с ее предметом и объектом. В современной исследовательской парадигме психологии доминирует объективистский подход. Это означает, что объект психологического исследования квалифицируется как аналогичный объектам естественных и точных наук. Однако последние являются материальными объектами. Основные присущие им параметры, определяющие любую методику их исследования, — это их существование в пространстве и времени. Поэтому закономерны приемы описания материальных объектов с помощью понятий протяженности, размера, веса, движения и т.п. Иное дело — объекты в психологии. Со времени Р.Декарта ученые согласны, что психика не протяжена. Не существует в физическом смысле высоты или веса восприятия, эмоции, мышления. Соответственно, пространственный показатель неадекватен для исследования психических явлений. Для них оказываются доступными и результативными два основных параметра: время протекания психического процесса (в этом — совпадении с исследованием материальных объектов) и продукт психической деятельности (в этом — уникальность).

Все существующие исследовательские речевые методики группируются вокруг этих показателей. Количество конкретных разработанных в данной области методик огромно, многие из них ориентированы на частные задачи. Нет возможности да и необходимости

останавливаться на них. Здесь будут рассмотрены лишь наиболее представительные варианты исследовательских речевых методик.

Использование временного показателя

На основе временного показателя строятся многие психологические методы. Пример тому подал В. Вундт при открытии в 1875 г. первой в мире его психологической экспериментальной лаборатории. Его обширная программа предполагала точнейшие измерения времени протекания различных элементов психики и построения на этой основе общей структуры психики. Программа Вундта оказалась нереализованной из-за возникших теоретических трудностей. Однако сам метод измерения временных параметров сохранил свое значение до наших дней, что относится и к исследованию речевых процессов.

Идея Вундта была реанимирована в 50-е гг. XX в. в рамках ранней психолингвистики (Н.Хомский, Г.Миллер и др.). Предполагалось, что, строя предложения разного типа, человек производит трансформации простых утвердительных предложений («ядерных») в другие формы: вопросительные, отрицательные и др. Трансформации осуществляются в виде ступенчатых переходов, которые описываются лингвистикой (трансформационной грамматикой). Соответственно, измеряя время вербальных действий испытуемых, можно найти подтверждение «психологической реальности» трансформационной грамматики. В результате проведенных на основе этой идеологии многочисленных экспериментов были получены данные, как и в лаборатории Вундта, не подтвердившие исходных предположений.

Временной показатель используется также при исследовании свободно протекающей речи. Авторы исследований этого направления интересуются организацией процесса построения связной речи: как слова извлекаются из памяти, зависит ли выбор от известности, «при-

вычности» слова, заготавливаются ли фразы пословно или посредством более крупных единиц. Чтобы ответить на эти вопросы, измеряется время произнесения слов и пауз между ними. Когда человек говорит в свободных условиях, плавность его речи варьирует, некоторые слова произносятся быстрее, другие медленнее, паузы между ними неравномерны. Измерение временных параметров в этих условиях оказалось довольно продуктивным. Особенно показательными были так называемые паузы нерешительности (хезитации), т.е. остановки в ходе повествования, превышающие 250 мс. На основании проведенных измерений удалось показать, что предложения заготавливаются говорящим главным образом блоками, включающими несколько взаимосвязанных слов. Свободная речь оказывается расчлененной на отрезки, достаточно хорошо совпадающие с единицами поверхностной структуры предложений, как они описываются в лингвистике. Установлена также связь хезитаций со степенью определенности подбираемого для высказывания слова: чем меньше эта степень, тем дольше слово выбирается из лексикона.

Использование временного показателя остается, таким образом, одним из важных экспериментальных показателей, активно используемых в наши дни.

Анализ продукта речевой деятельности

В результате речемыслительной деятельности может возникнуть продукт двух видов: физический, в виде звучащей (или записанной) речи, и идеальный, выраженный в содержании речи. Разработаны исследовательские методики, анализирующие каждый из видов речевого продукта.

Психоакустика. Характеристики звучания речи привлекают к себе внимание как к объективному материалу, дающему возможность производить его физический анализ и искать корреляты физических и психологических данных. Акустика речи стала объектом изучения специального направления — психоакустики.

Акустический анализ состоит в фиксации речи субъекта в виде аудиозаписи и дальнейшем аппаратном выявлении в электрическом сигнале ряда показателей. В психологических исследованиях обычно используются следующие параметры речевых сигналов. *Спектр звука* — показатель частотных составляющих, образующих данный звук. Для спектрального анализа применяются анализаторы, позволяющие получать статические и динамические спектрограммы. Первые из них показывают, какие частоты и в какой мере представлены в данном звуке; вторые отражают изменение частот звучания во времени. *Амплитуда* звуковых колебаний характеризует степень интенсивности звука. *Основной тон* — это область усиленной частоты спектра в его нижней части (от 50 до 400 Гц), возникающая вследствие колебания голосовых связок и зависящая от их длины, толщины, натяжения. Основной тон включается в образование гласных и звонких согласных звуков. *Форманты* — области частот, усиленных за счет резонансных систем надгортанных полостей. В качестве информативных обычно используются первая и вторая форманты — более низкие, расположенные ближе к частоте основного тона.

Анализ акустических характеристик речи используется в психологических исследованиях и практике. Так, запись производимых звуков и их акустический анализ — необходимая часть работы специалистов, занимающихся исследованием речи детей на ранних этапах развития, в так называемый доречевой период. Исследователи пытаются дать ответ на вопрос о том, как природный заданный набор вокализаций детей постепенно трансформируется в фонетическую систему, аналогичную системе языка, употребляемого окружающими. Это направление исследований активно развивается в настоящее время за рубежом, в США, Франции, Италии.

Выявлен ряд акустических показателей речи говорящего, по которым мож-

но характеризовать его функциональное состояние — эмоции, утомление и др. Это полезно, например, в практике космических полетов и позволяет понимать состояние удаленного от наблюдателя человека без применения сложной аппаратуры. При диагностике состояний ориентируются на спектральные и амплитудные характеристики речи, основной тон, мелодический контур, длительность речевых элементов. Выделены многие формальные признаки речевой акустики, с помощью которых можно с большой долей уверенности диагностировать эмоциональное возбуждение или энергетический спад в состоянии человека.

Анализ содержания речевой продукции

Одной из форм речевой продукции, допускающей психологическую интерпретацию, являются **ошибки, оговорки, спонтанные трансформации языкового материала.**

Интерес психологов к указанным феноменам проявился еще в XIX веке.

Немецкие ученые Р.Мерингер и К.Майер собрали и опубликовали большую коллекцию речевых ошибок и классифицировали их на основании описания вызвавших их причин. В.Вундт использовал такой материал с целью проникнуть в сознание человека. Речевые обмолвки, очитки и описки анализировал З.Фрейд, усматривавший за ними действие скрытых вытесненных мотивов.

В настоящее время активное исследование материалов речевых ошибок продолжается в русле психолингвистики. Задача состоит в том, чтобы составить обоснованное представление о протекании процесса составления предложений, организации развернутой связной речи человека, а также функционировании сложной когнитивной системы, обеспечивающей порождение и восприятие речи.

Наиболее популярный тип рассматриваемых ошибок — так называемые спунеризмы. Термин произошел от фамилии англичанина Спунера, декана одного из Оксфордских колледжей, вошед-

шего в историю психолингвистики как автора широко известных речевых оговорок. Спунеризмы состоят в непроизвольном нарушении порядка следования речевых единиц. (Литературный пример одного из вариантов такого рода оговорок в русском языке находим у С.Маршака: «Нельзя ли у трамбывала вокзай остановить?») Подробный анализ собранного материала показал, что оговорки происходят из-за смешения вербальных элементов разных уровней: звуков, слогов, слов, фраз. Выявлены условия, провоцирующие такие смешения. Показано, что при построении связной речи все составляющие ее целостные грамматически оформленные единицы образуются в ходе речевой динамики.

Богатый материал для психологического исследования речезыкового механизма предоставляет так называемое детское словотворчество. Этим термином обозначается непреднамеренное создание и использование детьми слов, не являющихся общепринятыми. Словотворчество наблюдается примерно у 80 процентов нормально развивающихся детей в возрасте от 2-х до 6—7 лет. Оно обнаруживается на материале различных языков. Создаваемые слова (неологизмы) относятся к различным частям речи: существительные *прыжок*, *лебевица* (женский род от *лебедь*), *пургинки* (частицы пурги); глаголы *пылесоси* (от *пылесос*), *посадою* (*посажу*), *я возьму*); прилагательные *пластинчатый магазин* (магазин, где продают пластинки), *кровоядные животные*; наречия *дольгее* (*дольше*), *редче* (*реже*); числительные *стояя страница* и др. Особый вид неологизмов по типу «народная этимология»: *цветнот* (*цейтнот*), *саморубка* (*мясорубка*).

Исследование большого материала по детскому словотворчеству позволило вывести общие правила образования неологизмов и проникнуть во внутренние механизмы формирования языка у детей. Показано, что неологизмы возникают в результате двух видов процессов: спонтанного членения на морфемные

элементы воспринятого словесного материала и последующего объединения вычленившихся элементов. Обнаружено, что нормальное развитие речи идет не только путем подражания и имитации, но и через активную внутреннюю переработку вербального материала, что обеспечивает быстрое усвоение языка.

Другой формой речевой продукции, активно используемой в психологии, является **текст**. Выше отмечалось, что Н.И.Жинкин предложил предикативный анализ текста. Его идея состояла в том, чтобы характеризовать текст через описание иерархии предикатов. В письменных текстах предикаты выстраиваются в определенном порядке, представляя главные, дополнительные и дополнительные к дополнительным признаки. Такая структура соответствует тому, как человек видит и понимает описываемый объект.

Варианты предикативного и субъектно-предикативного анализа были предложены позднее рядом авторов: Л.П.Доблаевым, А.И.Новиковым, И.Ф.Неволиным.

Одним из популярных подходов к анализу текста стал так называемый *контент-анализ*, зародившийся как метод анализа текстов главным образом политического характера. Контент-анализ направлен на выявление, обобщение и количественную оценку слов и других языковых элементов некоторого определенного содержания. Например, в газетном тексте выделяются и просчитываются все слова о войне, оружии, переговорах и т.п. В результате получают данные, в количественном выражении представляющие темы обсуждения. Возможна в дальнейшем атрибуция тем или иных тем субъекту наблюдения, возможно прослеживание смены тем с течением времени или изменением обстоятельств.

Контент-анализ проводится как целиком объективная процедура, ориентированная на формальные показатели анализируемой речи. В последнее время в психологии поднимается вопрос об ограниченности подходов, ориентирую-

щихся только на объективные и количественные показатели. Это особенно верно в отношении речи — такого психического проявления, которое вырабатывается у человека как объективное выражение его субъективных интенциональных состояний. На этом основании разрабатываются интерпретационные подходы к анализу речи. Одним из них является так называемый *интеннт-анализ* (Ушкова и др., 2000). Он состоит в том, что все элементы анализируемого текста, рассматриваемые последовательно один за другим, квалифицируются по их целевой ориентации, или интенционального содержания. Например, в политическом тексте конфликтного характера фраза: *Где маршалы и генералы, которые выросли на народные деньги, а сегодня молчат?* — квалифицируется как выражение интенции обвинения, фраза: *Все свои знания, свои силы, все, что имею, отдаю стране.* — как выражение интенции обещания и т.п. По совокупности такого рода интерпретаций возможно построение своего рода субъективной «картины мира» говорящего, которую он выражает в своем дискурсе.

3.8.6. Проблемы и перспективы рассматриваемой области

Одну из основных проблем (трудностей) рассматриваемой области составляет многопрофильность ее объекта. Эта многопрофильность отчетливо обнаруживается в приведенных выше материалах. Они показывают, что различные науки и подходы вносят свой вклад в исследование речи и языка: психология, лингвистика, социология, психофизиология, психоакустика, компьютерное моделирование. Внутри психологии тема речи оказывается тесно связанной со многими другими темами: личности, мышления, эмоции, памяти. Способность человека выразить в словах то или другое психологическое состояние — мысль, чувство, воспоминание, опасение, желание — в каком-то смысле яв-

ляется всепроникающей. Соответственно, адекватное описание речевого функционирования по своей сущности оказывается комплексным и многоплановым. Данные разных наук и подходов должны быть привлечены для такого описания. На рисунке 3.56 показан их возможный на сегодняшний день состав.

Сопряжение разного рода данных представляет в рассматриваемой области значительную проблему — как содержательную, связанную с осмыслением проблемы, так и текстовую, имеющую задачей описание существующего знания. В самом деле, для комплексирования знаний необходимо ими по меньшей мере владеть. Однако специалисты в области психологии, лингвистики, естественных и социальных наук, как правило, ориентированы каждый в своем направлении, Леонардо да Винчи с его многогранным талантом — не частое явление в мире. Осознание проблемной задачи создания комплексной науки применительно к исследованию речи и языка вызвало к жизни новую научную область так называемую *Speech sciences* (речеведческие науки), делающую пока свои первые шаги. В связи со сказанным примечательно также, что учебники по психологии, как старые, так и новые, практически не решают задачу адекватного описания рассматриваемой области. Разделы «Психология речи», «Психолингвистика» либо просто не включаются в них, либо представлены в урезанном объеме, порой с довольно случайным содержанием.

Проблема сопряжения разных факторов, с которыми связано осуществление речевой функции, в определенной степени разрабатывается современной когнитивной психолингвистикой при построении сложных многоэлементных моделей речемыслительной деятельности. Однако, решая проблему адекватной сложности описаний, когнитивисты сохраняют слабость другого рода. Эту слабость можно назвать объективистским редукционизмом (*редукция* — сокра-



Рис. 3.56. Возможный состав наук и подходов, необходимых для адекватного описания речевого функционирования.

щение, упрощение). В их работах отсутствует субъективная сторона речи. Однако эта сторона существует и вполне реальна. Вспомним, что в своей речи человек обнаруживает свободу воли: по своему желанию он может сказать нечто или воздержаться, может сделать выбор между одним или другим высказыванием. Приходится в этой связи признать заслугу В.Гумбольдта, четко утверждавшего связь языка-речи с проявлением человеческого духа. В самом общем смысле в речи мы имеем переход от нематериальной мысли к материальному слову, при говорении, а при слушании и понимании — от материально выраженного слова к нематериальной мысли, пониманию. Здесь, в этом пункте исследователь фактически сталкивается с известной науке так называемый психофизиологической (психофизической) проблемой, — проблемой отношения психического, нематериального, и физического, материального. В настоящее время эта проблема практически не рассматривается позитивной наукой. И это оставляет большую лауну в знаниях.

Намечая перспективы развития знаний в области психологии речи и психо-

лингвистики, следует предположить, что более полное комплексное знание объекта позволит продвинуть работу в области его моделирования. Это будет означать успех в разработке искусственного интеллекта и еще более высокие по сравнению с теперешними достижениями в передаче компьютерной технике мыслительных и других рабочих функций человека.

Другим перспективным развитием темы должно стать усиление ее возможностей в плане помощи людям, страдающим от нарушений речевой способности. Надо верить, что психологическая наука сумеет придать своему развитию практический уклон, и ее достижения будут служить людям в преодолении трудностей жизни.

Литература

- Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика: (Грамматика Пор-Рояля). СПб.: Изд-во ЛГУ, 1991.
- Ахутина Т.В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. М., 1989.
- Белянин В.П. Введение в психолингвистику. М.: ЧеРо, 1999.
- Бейтс Э. Интенции, конвенции, символы // Психолингвистика / Сост. А.М.Шахнарович. М.: Прогресс, 1984. С. 50—103.
- Бондарко Л.В. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.
- Брунер Дж. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика / Сост. А.М.Шахнарович. М.: Прогресс, 1984. С. 21—50.
- Власенко И.Т., Чиркина Г.В. Методы обследования речи детей. М., 1992.
- Жыготский Л.С. Мышление и речь. М., 1996.
- Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
- Гельфанд С.А. Слух. Введение в психологическую и физиологическую акустику. М.: Мир, 1984.
- Гишвинд Н. Мозг. Раздел: Специализация человеческого мозга. М.: Мир, 1984.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997.
- Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.
- Жинкин Н.И. Механизмы речи. М.: АПН РСФСР, 1958.
- Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
- Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998.
- Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999.
- Зимняя И.А. Функциональная психологическая схема формирования и формулирования мысли посредством языка // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т.1-6. М., 1994-1999.
- Кларк Е. Универсальные категории: о семантике слов-классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми // Психолингвистика / Сост. А.М.Шахнарович. М.: Прогресс, 1984. С. 221—241.
- Кольцова М.М. Ребенок учится говорить. М.: Сов. Россия, 1979.
- Леонтьев А.А. Психолингвистика. Л., 1967.
- Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999.
- Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка. М.—Воронеж, 1997.
- Павлова А.А., Шустова Л.А. Методика выявления особенностей речевого развития детей // Вопр. психологии. 1987. №6.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск, 1997.
- Пижаже Ж. Речь и мышление ребенка. СПб.: СОУЗ, 1997.
- Потебня А.А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика, М., 1976.
- Психолингвистика / Ред. А.М.Шахнарович. М., 1984.
- Рац У., Михайлова Н.Б. Новый метод диагностики языковой компетенции: Ц-тест // Иностранная психология. 1995. №5.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т.1. М., 1989.
- Речь, язык, коммуникация // Современная психология / Ред. В.Н.Дружинин, М., 1998.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов Ю.С. Язык и метод. М., 1998.
- Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С. 135—170.
- Ушакова Т.Н. Функциональные структуры 2-й сигнальной системы. Психофизиологические механизмы речи. М., 1979.
- Ушакова Т.Н. Детская речь — ее истоки и первые шаги в развитии // Психол. журн. 1999. Т.20. №3. С. 59-69.
- Ушакова Т.Н. Психология речи и психолингвистика // Психол. журн. 1991. Т.12. №6. С.12-25.
- Филличева Т.Б., Чевелева Н.А., Чиркина Г.Б. Основы логопедии. М., 1989.
- Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.